g 54/100
Вып. 1.

Д 54.
100.

ПУТЕЛЕТАТЕЛЬ

и

ЕГО ПИСЬМА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ НИЖЕПОДПИСАВШИМСЯ.

ВЫПУСКЪ 1-й.

ОБОЗРѢНІЕ РОССІИ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

ИЗДАНІЕ

СЕМЕНА ИВ. ЧЕРЕПАНОВА.

КАЗАНЬ.

Типографія К. А. Тилли, на Черно-озерской улицѣ.

1868.

ПУТЕЛЕТАТЕЛЬ

и

ЕГО ПИСЬМА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ НИЖЕПОДПИСАВШИМСЯ.

ВЫПУСКЪ I-й.

ОБОЗРѢНІЕ РОССІИ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

ИЗДАНІЕ

Семена Ив. Черепанова.

КАЗАНЬ.

Типографія К. А. Тилли, на Черно-озерской улицѣ.

1867.

Цензурою дозволено. Казань, 19 Сентября 1867 г.

2007113085

«И полещу и почію.»

Пс. LIV ст. 7.

1.

Земля.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Теперь наша переписка, любезный другъ, возстановится: *я прибылъ къ мѣсту своего назначенія*... Писать съ другихъ планетъ, какъ тебѣ извѣстно, не о чемъ было: тамъ обстоитъ все благополучно, такъ какъ населенія находятся въ здравомъ состояніи, почему не уклоняются ни въ чемъ и ни на сколько отъ своихъ прямыхъ обязанностей и стремленій, пользуются въ указанномъ размѣрѣ предоставленными имъ правами... Словомъ, все какъ слѣдуетъ быть на благоустроенныхъ планетахъ, въ полномъ и всеобъемлющемъ значеніи этаго выраженія.

Совершенно иное нашелъ я здѣсь, какъ разумѣется и долженъ былъ ожидать, потому-что зналъ настоящее назначеніе этой планеты, въ системѣ всѣхъ планетъ, — назначеніе, какъ мѣста ссылки на исправленіе несовершенныхъ, неудавшихся, иногда даже преступныхъ и боль-

шею частію болѣзненныхъ душъ...*) На сколько достигнуто это назначеніе земли, ты увидишь изъ подробнаго описанія моихъ наблюденій, въ безпристрастіи которыхъ, разумѣется, не имѣешь ни малѣйшей причины сомнѣваться, такъ-какъ всѣ здѣшніе интересы для меня совершенно чужды, и это обстоятельство дало мнѣ возможность видѣть все здѣсь въ настоящемъ его значеніи...

Письма мои будутъ для тебя интересны еще и потому, что все, казавшееся загадочнымъ на землѣ нашимъ астрономамъ, при наблюденіяхъ, объясняется здѣсь очень просто, хотя для насъ вовсе и неожиданно. Напримѣръ: огромныя пятна свѣта, по временамъ являющіяся на темной массѣ земнаго шара, оказались огнемъ, пожирающимъ цѣлые города, нерѣдко отъ собственной неосторожности населенія, а иногда даже отъ злоумышленности и еще иногда — изъ фанатизма, о чемъ, разумѣется, въ своемъ мѣстѣ, въ историческихъ письмахъ, буду говорить подробно. Явленіе въ видѣ огненнаго дождя, видѣнное довольно часто въ разныхъ, нерѣдко огромныхъ размѣрахъ, есть то, чего не только ты, но и всѣ наши мудрецы никакъ не отгадаете. Это, другъ ты мой любезный, такая

---

*) Замѣчательно, что здѣсь авторъ писемъ сходится близко съ понятіемъ древнихъ о переселеніи душъ. *(Примѣч. Нижеподп.)*

земная штука, какой не найдешь, облетя во кругъ и около всей вселенной. Повѣришь-ли, что это явленіе происходитъ отъ изобрѣтеннаго людьми, господствующимъ населеніемъ земнаго шара, способа истреблять другъ друга! Называется это огнестрѣльнымъ оружіемъ и процессъ употребленія его въ дѣло — войною. У насъ есть преданіе, что въ древности этаго явленія на землѣ не было; и точно: прежде люди истребляли другъ друга такъ называемымъ у нихъ бѣлымъ, или холоднымъ оружіемъ, — но не много вѣковъ назадъ одинъ *монахъ*, — подивись этому, лицо, должное служить на пользу, — изобрѣлъ зло, или по славянски — *зелье*, т. е. порохъ, быстро воспламеняющееся вещество, и оно примѣнено къ убіенію людей огнемъ... Войны на землѣ представляютъ такое любопытное явленіе, что я намѣренъ посвятить большую часть своего времени изученію этой мѣстной... затрудняюсь, какъ бы ее назвать? — положимъ хоть болѣзни. Впрочемъ, орудій взаимнаго истребленія людьми другъ друга такое множество, и въ такомъ онѣ большомъ употребленіи, что надобно удивляться могуществу силы природы, недопускающему конечнаго истребленія этихъ оригинальныхъ и интересныхъ существъ. Надобно однакоже сказать, что истребленіе это происходитъ изъ необходимости. Люди, съ незапамятныхъ временъ, отступивъ отъ благоразумнаго

и умѣреннаго употребленія данныхъ имъ благъ,
. . . . . .
а какъ сами они истребляютъ другихъ животныхъ земли тоже до крайнихъ предѣловъ, и отняли у всѣхъ ихъ возможность взаимно истреблять людей, за весьма впрочемъ немногими случаями исключенія, ...
. . . . . .то испортили бы все великое дѣло мірозданія, нарушивъ равновѣсіе его, на которомъ только и держится этотъ дивный вертящійся механизмъ.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ, о которыхъ я упомянулъ теперь слегка, ты видишь, что письма мои съ земли не будутъ лишены нѣкотораго интереса и потому начинаю писать ихъ смѣло, и въ тоже время оставляю здѣсь одинъ экземпляръ (благо нашелся одинъ глупецъ списывать*), чтобы познакомить людей, съ которыми привелось мнѣ познакомиться, съ моимъ взглядомъ на ихъ положеніе и дѣла. — Я увѣренъ, впрочемъ, что это не принесетъ имъ никакой пользы, а также и вреда, — ибо есть огромныя груды книгъ, авторы которыхъ стремились выяснить ложное положеніе людей, чтобы

*) Очень благодаренъ! Но что бы сказалъ авторъ писемъ, если бы зналъ, что мы, грѣшные писаки, списываемъ свои письма по нѣсколько разъ и въ страшномъ объемѣ. Напримѣръ г. Кукольникъ объявилъ уже печатно, что у него есть 20 томовъ своихъ писемъ! Или то, что Андерсонъ читалъ самъ всѣ свои сказки при всѣхъ Германскихъ дворахъ, а ихъ въ его время было не мало! *Нижеподп.*

тѣмъ сколько нибудь направить ихъ *на прямой путь человѣчества*, — куда! И слышать не хотятъ. Еще смѣются надъ этими непрошенными указателями истиннаго пути... Смѣются — еще бы ничего, а то преслѣдуютъ, лишаютъ свободы, казнятъ смертію: сожженіемъ, распятіемъ, разстрѣляніемъ и т. д. Однакоже, какъ бы то ни было, считаю обязанностію сдѣлать такъ, чтобы не нести упрека за потворство человѣческимъ слабостямъ и не быть обвиняемымъ въ молчаніи, которое есть знакъ согласія... Пусть будетъ то, что быть должно!..

2.

«Вотъ гдѣ нашъ Амуръ!» сказалъ нѣкто, указывая на могилу, во время Амурской горячки, — и отгадалъ, потому что слово *Амуръ* по-монгольски значитъ *спокойствіе*.

А м у р ъ.
Годъ, мѣсяцъ, число.

По данной мнѣ инструкціи, слѣдовало мнѣ тотчасъ по прибытіи на землю снять свой образъ и родиться какимъ нибудь земнымъ существомъ. Теперь весьма жалѣю, что я, по весьма понятной ошибкѣ, рѣшился явиться здѣсь человѣкомъ, полагая положеніе его лучшимъ на землѣ. Послѣдствія доказали мнѣ, что нѣкоторымъ и даже многимъ животнымъ гораздо луч-

ше... лучше, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что онѣ, руководясь инстинктомъ, почти-что не отступаютъ отъ указанныхъ имъ законовъ и потому не несутъ справедливой кары за это. Но, какъ-бы то ни было, выборъ сдѣланъ, и сожалѣніе не поможетъ. Сѣлъ я на землю на берегу Тихаго океана съ той стороны, откуда начинается материкъ занятый Азіей и Европой. Я не избралъ Америки, лежащей по другую сторону Тихаго океана, потому-что это новое и крайне смѣшанное населеніе земли и, такъ сказать, результатъ всѣхъ старыхъ населеній; я предположилъ посѣтить его въ концѣ, чтобы имъ и окончить мой обзоръ. Избранная мною мѣстность привлекла меня необыкновеннымъ обиліемъ лѣсовъ, дающихъ землѣ ея первобытный видъ, тогда какъ другія части ея почти совершенно оголены отъ этаго естественнаго покрова, вслѣдствіе людскаго неумѣнья благоразумно пользоваться дарами природы. Особенное истребленіе лѣсовъ произошло, какъ я узналъ впослѣдствіи, вскорѣ послѣ учрежденія правильнаго надзора за лѣсами, какъ это объясню потомъ, говоря о противоположныхъ результатахъ всѣхъ полезныхъ учрежденій... Лѣсъ для перваго знакомства съ землею выбралъ я еще и потому, что разсчитывалъ не встрѣтить въ немъ съ перваго раза людей, которыхъ имѣлъ причины опасаться...

Дѣйствительно, проведя значительное время

въ первобытномъ лѣсу такъ называемаго здѣсь приамурскаго края, я почти не встрѣтилъ человѣка, если не принимать за него бродячихъ инородцевъ, которые только тѣмъ и отличаются отъ звѣрей, что немилосердо истребляютъ ихъ... Однакоже разъ набрелъ я на большое селеніе, отъ котораго, разумѣется, тотчасъ удалился. . . . . Время это посвятилъ я изученію звѣринаго населенія и пріобрѣлъ въ этомъ значительныя свѣдѣнія. Я могъ бы даже распространиться здѣсь объ этомъ весьма интереснomъ предметѣ, если бы не имѣлъ уже готовыхъ охотничьихъ записокъ, которыя при семъ и посылаю.*) А чтобы ты не сомнѣвался въ занимательности подобнаго рода изученія земной природы, я разскажу тебѣ одинъ эпизодъ изъ звѣриныхъ нравовъ, для пущей важности, въ стихахъ. Вотъ онъ:

ВОЛКЪ И ХАБАРГА.

(Басня.)

Имѣютъ и лѣса, какъ свѣтъ,
Свои завѣтныя мечты;
Хоть, правда, многаго тамъ нѣтъ,

*) Очень любопытно бы знать, о какихъ Сибирскихъ охотничьихъ запискахъ говоритъ здѣсь авторъ писемъ: о запискахъ ли Г. Черепанова, напечатанныхъ въ Биб. для чт. 1854, 1855 и 1859 гг. или о запискахъ г. Черкасова, въ «Дѣлѣ» 1867 г. № 4. — Впрочемъ тѣ и другія записки имѣютъ *поразительное сходство*... *Нижеподп.*

Но много тамъ встрѣчаешь красоты!
Вотъ, напримѣръ, хоть Хабарга:
Какая стройная, живая,
Какія ножки у нея, рога,
Какъ прыгаетъ, земли не задѣвая!
Рисуется на горномъ скатѣ,
И видитъ — Волкъ за ней слѣдитъ:
«Татаринъ, въ сѣромъ-то халатѣ!»
Смѣясь, подругамъ говоритъ,
«Туда-же думаетъ подкрасться,
«Или, пожалуй, и догнать!
«Мѣшку-ль за бабочкой гоняться,
«Чурбану-ль въ воздухѣ летать!»
И — въ нѣсколько лихихъ прыжковъ
Умчалася, поднявши рожки,
Оставивъ тутъ-инде слѣдковъ
Своей прелестной, тонкой ножки.
Вотъ снова на травѣ лужайки
Она танцуетъ точно польку,
А Волкъ, въ сѣдой своей фуфайкѣ,
Опять подкрался въ тихомолку.
Почуявъ близкаго злодѣя,
Рѣзвушка прыгнула смѣясь:
«Напрасная, сѣдой, затѣя,
«Какъ турокъ, съѣлъ ты грязь!
Проходитъ время между тѣмъ,
И Хабарга ужъ на лужкѣ
Танцуетъ. (Не видимый ни кѣмъ
Волкъ близко, *въ сѣромъ сюртукѣ.*)

«Теперь пора и отдохнуть»
Подумала и лишь хотѣла лечь,
Какъ снова бросилася въ путь,
Чтобъ косточки свои сберечь.
«Проклятый! Что-жъ не отстаетъ?
«Дай пробѣгу что силы есть,
«Ужъ тамъ меня онъ не найдетъ,
«Межъ тѣмъ пора мнѣ и поѣсть.»
Вотъ выбравъ лакомую травку,
Щипать ее лишь начала,
Но, какъ наткнулась на булавку,
Запрыгала и — удрала,
Затѣмъ, что сѣрый волокита
Подкрался къ ней, чуть не схвативъ...
Измучена, совсѣмъ разбита,
Послѣдни силы истощивъ,
И потупивъ свои рога,
Едва передвигая ноги,
Плетется наша Хабарга,
Ища покинутой берлоги,
Чтобы укрыться хотя тамъ
Отъ терпѣливаго врага.
А онъ ворчитъ: «Того и надо намъ!»
И глядь — оставилъ лишь рога!

Не правда-ли, почти-что такъ
Слѣдитъ за красотой иною
На свѣтѣ старый холостякъ?
Пройдетъ годокъ,-и ужъ женою

Она становится его...
А это все равно, иль хуже,
Попасть для Волка моего
На предрасчитанный имъ ужинъ!

Людскіе критики найдутъ въ этомъ произведеніи важный недостатокъ: *неправильность размѣровъ строфъ*, *неточное сочетаніе* риѳмъ и т. д., но ты, конечно, отдашь предпочтеніе мысли и вѣрно схваченной натурѣ, и не забудешь, что писалъ это *чужестранецъ*.

3.

«Какіе-то не люди, и не звѣри.»
Грибоѣдовъ.

Тайга.
Годъ, мѣсяцъ, число.

Сдѣлавъ себѣ выборъ земной роли, оказавшейся впослѣдствіи, какъ я уже писалъ, весьма неудачнымъ, я, разумѣется, сталъ на досугѣ соображать, какъ бы мнѣ явиться на такъ называемый здѣсь Божій свѣтъ. Было бы крайне несообразно съ моимъ назначеніемъ явиться какимъ нибудь тунгусомъ или гольтомъ, котораго все земное поприще видно съ перваго шага. Для этаго я началъ подвигаться къ населен-

нымъ мѣстностямъ, на что употребилъ таки много времени и труда... Я былъ однакоже очень доволенъ проявленіемъ здѣсь людскаго благоразумія, съ которымъ они оставили звѣрямъ такое огромное пространство, чтобы свободно плодиться и щедро платить людямъ за такое вниманіе своими дорогими шкурами... Этотъ *звѣринецъ* обѣщалъ мнѣ, что я найду въ людяхъ значительную долю такта въ распредѣленіи мѣстъ и мѣстностей... Очарованіе мое не было впрочемъ продолжительно: въ настоящее время, когда я пересматриваю мои путевыя замѣтки, Россія двинула въ звѣринецъ значительное число своего населенія, вѣроятно, *по тѣснотѣ своихъ владѣній*,*) и лѣса наполнились людьми, которые очутились здѣсь совершенно въ чуждой имъ сферѣ, такъ что все равно, если бы — заселили ихъ въ водѣ — жилищѣ рыбъ... Администраціи этаго противоестественнаго населенія пустыни показалась она еще тѣсною, — и приступлено къ пристройкѣ къ землѣ балкона, или галлереи, чтобы еще болѣе продолжить русскія владѣнія...**)

---

*) Понятно, что авторъ впалъ здѣсь въ грубую ошибку. Н.

**) Останавливаюсь списываніемъ до конца этаго письма, гдѣ авторъ впалъ въ явную и снова грубую ошибку, принявъ экстренную постройку Амурскихъ городовъ за пристройку къ землѣ какого-то *балкона*, или какой-то *галдареи*... И ошибка эта въ высшей степени комична. Какое получатъ тамъ, куда посланы письма, ложное понятіе о землѣ съ *Амурскимъ балкономъ*! *Н.*

4.

«Не даромъ же Сибирью названа!»

Ч.

С и б и р ь.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Я очутился въ неловкомъ положеніи одного Англичанина, бывшаго губернаторомъ на Гутзонскихъ островахъ, и рѣшившаго возвратиться въ Англію, не моремъ, а сухопутно черезъ Россію, въ томъ предположеніи, что все-таки пріятнѣе совершить путь по населенной странѣ. Каково же было его разочарованіе, когда онъ, проѣхавъ 5 т. верстъ, отъ Петропавловска до Иркутска, верхомъ на оленяхъ, ... не встрѣтилъ ни малѣйшаго признака заселенія! *) Точно такъ и я шелъ на этомъ же самомъ пространствѣ, напрасно ожидая встрѣтить населеніе, къ которому бы удобно было присоединиться въ качествѣ будущаго гражданина земли, такъ что былъ въ необходимости прибѣгнуть къ своему прежнему средству и перелетѣть громадное пространство. Убѣдясь при этомъ, что матушка Россія расположилась на землѣ не стѣсняясь, — я рѣшилъ для перваго хотя и *поверхностнаго* зна-

*) Повинится этотъ случай упомянутъ въ статьѣ «О пространствѣ Россіи», напечатанной въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1859 г. № 32. Н.

комства прежде облетѣть ее во всю длину и ширину, а потомъ снова начать обзоръ по скучному и медленному людскому способу.

Такимъ средствомъ легко добрался я до умственной, или воображаемой линіи, раздѣляющей Русское и Китайское государства. Она называется Китайскою границею. По обѣ стороны этой мнимой *черты* расположены редуты, имѣющіе между собою повременамъ свиданія для спроса о благополучіи, и эти поѣздки называются тамъ «поѣздками *за благополучіемъ*.» Это узналъ я изъ слѣдующаго разспроса при встрѣчѣ:

— Здорово ребята!

— Здравія желаемъ, ваше-родіе.

— Куда ѣдете?

— *За благополучіемъ*!

Китайская линія редутовъ, состоящая изъ монголовъ, ведущихъ почти первобытный образъ жизни, разумѣется, не привлекла меня, и я перебрался на русскую сторону. Здѣсь уже видны признаки земной своеобразной жизни... Но я не буду забѣгать впередъ, такъ-какъ намѣренъ описать тебѣ подробно и послѣдовательно все мое земное поприще, отъ колыбели до могилы, такъ и прошу ожидать терпѣливо моего журнала этаго странствованія.

Теперь же для перваго пріятнаго впечатлѣнія разскажу о двухъ личностяхъ, зарекомен-

довавшихъ мнѣ человѣческій родъ весьма съ хорошей стороны. Линія, о которой я упомянулъ, раздѣлена на участки, имѣющіе своихъ начальниковъ. Одинъ изъ нихъ, по необходимости здѣсь носить какое нибудь, для отличія отъ другихъ, названіе, — необходимости, для объясненія которой нужно будетъ особое длинное письмо, — назывался Евграфъ Ивановичъ Разгильдяевъ, Цурухайтуевскій пограничный приставъ, титулярный совѣтникъ и кавалеръ! . . . . . Онъ имѣлъ, кажется, восемь сыновей, — и цѣлую жизнь свою, всѣ свои средства, матеріальныя и нравственныя, употребилъ на то, чтобы дать имъ возможно лучшее воспитаніе и направленіе. Это первая личность. Другая еще замѣчательнѣе: Василій Ивановичъ Сѣдаковъ, штатный смотритель Нерчинскаго уѣзднаго училища, надворный совѣтникъ и кавалеръ, ... получилъ въ наслѣдство отъ своего отца одиннадцать малолѣтнихъ братьевъ на свое попеченіе и никакихъ средствъ на это, кромѣ твердаго убѣжденія въ своей обязанности сдѣлать для нихъ все, что только будетъ возможно. Онъ началъ съ того, что отказалъ себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ жизни. Напримѣръ, имѣя склонность къ семейному счастію, онъ навсегда остался холостякомъ; будучи способнымъ, могъ бы составить лучшую

мыхъ этимъ званіемъ, на устройство судьбы своихъ братьевъ, изъ которыхъ двое были глухонѣмыми. Всѣхъ ихъ онъ отлично устроилъ и самъ умеръ труженикомъ и бѣднякомъ. Вотъ еслибы такихъ личностей было больше, тогда нечего было бы здѣсь и останавливаться... *)

5.

«Сибирь хладна-стихи холодны.»
Дм. Давыдовъ.

Изъ подъ снѣгу.
Годъ, мѣсяцъ, число.

Тебя, конечно, удивитъ мое удивленіе поступку г.г. Разгильдяева и Сѣдакова; ты скажешь, что они только исполнили свой долгъ, оправдали на дѣлѣ значеніе своихъ званій: — отца и брата и т. п. Съ нашей точки зрѣнія это такъ, но здѣсь, любезнѣйшій, совсѣмъ иные порядки, и поступокъ означенныхъ лицъ весьма рѣдкое исключеніе. Правда, природа предвидѣла, что люди не замедлятъ пренебречь своими обязанностями, своимъ прямымъ назначеніемъ и потому вложила въ нихъ другія побудительныя пру-

*) Переписывая это мѣсто, я вспомнилъ, что въ 1848 г., бывши въ Петербургѣ, былъ я соблазняемъ Н. С. Щ.....мъ поѣхать съ нимъ въ Парижъ. «Почему же намъ, говорилъ этотъ ученый и литераторъ, не побывать въ Парижѣ, когда какая нибудь *дрянь*, Сѣдаковъ, былъ же въ Петербургѣ.» И эта *дрянь* обратила на себя вниманіе путелетателя.

жины; эти пружины называются страстями и большею частію побуждаютъ людей къ исполненію долга. Стало быть, результатъ почти достигается, но выходитъ крайне странно, если не смѣшно, а подъ часъ и не грустно... Напримѣръ: трудъ, — разумѣя умѣренный, полезный, сообразный, — безспорно, какъ и вездѣ для разумныхъ существъ, есть долгъ, есть средство существованія, средство препровожденія времени, такъ сказать источникъ удовольствія и отдыха, ибо безъ труда послѣдніе не мыслимы въ ихъ настоящемъ значеніи; стало быть, ясно, что трудиться надобно изъ одной необходимости труда; но здѣсь влекутъ къ труду, — иногда даже неимовѣрному, полезному вполнѣ, а иногда и вполнѣ безполезному, — совсѣмъ иные вѣтры, какъ то: корыстолюбіе, славолюбіе, честолюбіе, тщеславіе, какая нибудь манія и т. д. Но постой, дружище, вѣдь это для тебя тарабарщина, ты ни на волосъ не смыслишь въ пониманіи этихъ терминовъ. Вотъ тутъ и трудность переписки съ тобою отсюда: — объяснять значеніе всѣхъ земныхъ терминовъ, на это потребуется полный энциклопедическій лексиконъ, котораго вотъ цѣлая Россія, — масса изъ однихъ ученыхъ и литераторовъ по крайней мѣрѣ необъятная, — никакъ не можетъ составить: всѣ усилія достигаютъ третьяго, много четвертаго тома... Стало быть, надобно какъ нибудь между

прочимъ просвѣщать тебя, любезный другъ, земною премудростію... Постараюсь!

Объяснивъ понятіе свое о рѣдкости поступка помянутыхъ отца и брата, нахожу нужнымъ пояснить — почему я не примкнулъ къ семьѣ котораго нибудь изъ нихъ.

По указанному мнѣ плану земнаго странствованія, я долженъ былъ избрать путь не исключительный какой нибудь, не рѣдкій, — а общій всему населенію, или по крайней мѣрѣ главному большинству его, путь подчиненный не предвидѣнному твердому плану, а всѣмъ случайностямъ. Такой путь имѣетъ всѣ прелести, а также и гадости, новизны, нечаянности. Вотъ такого-то пути и искалъ я. Я нашелъ его. Съ слѣдующаго выпуска писемъ буду отдавать объ немъ подробный и послѣдовательный отчетъ, зная, что всякая мелочь, скучная даже въ сущности, будетъ для тебя занимательна и интересна, какъ совершенная новость, нечаянность, неожиданность. А имп то я и имѣю, какъ выражаются здѣсь, *употштовать* тебя, любезнѣйшій другъ!

6.

Какая смѣсь одеждъ...
Пушкинъ.

Изъ грязи (*).

Годъ, мѣсяцъ, число.

Всѣ наши свѣдѣнія о томъ, что главный обитатель земли, человѣкъ, имѣетъ крайне разнообразную наружность и, какъ намъ казалось, похожъ иногда на звѣря, иногда на птицу, чаще на звѣря и птицу вмѣстѣ, или похожъ, по словамъ одного здѣшняго острослова, «на рѣдьку вверхъ хвостомъ, или на рѣдьку въ низъ хвостомъ,» т. е. то прямой, то обращенный конусъ... Всѣ эти понятія наши о наружности людей дѣйствительно оправдались, — но за всѣмъ тѣмъ въ сущности человѣкъ голъ, какъ яицо!.. Вотъ тутъ-то тебѣ и задача, объяснить которую необходимо нѣкоторыми подробностями. Господствующее убѣжденіе здѣсь то, что человѣкъ такъ созданъ, и это убѣжденіе имѣетъ очевидное доказательство въ неизмѣняемости всѣхъ первобытныхъ формъ природы. Но есть, и въ большомъ ходу, толкованіе, что человѣкъ сдѣлался голымъ вслѣдствіе перерожденія отъ злоупотребленія всего, что можетъ употреблять, и

---

*) Сибирь, или Шибирь, на языкѣ туземцевъ-монголовъ значитъ грязь. Тамъ есть мѣстности: уланъ-шибирь, хара-шибирь—красныя и черныя грязи.

Пр. Авт.

употребляетъ крайне неумѣренно и нерѣдко безразсудно. . . . . .

. . . . . .

Другіе говорятъ, что онъ имѣлъ общій всѣмъ животнымъ волосной покровъ, но будучи лишенъ инстинкта и допущенъ дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, въ жаркое время года, тяготясь шерстью, вытеребилъ, или ошпарилъ ее, исключая мѣстъ, гдѣ волосы показались ему нужными, какъ на головѣ для защиты отъ солнца, или гдѣ больно было теребить ихъ... Иные полагаютъ болѣе основательно, что волосы вылѣзли вслѣдствіе болѣзненныхъ соковъ, такъ что когда они начали рѣдѣть, то люди выдумали брить ихъ, чтобы скрыть свою болѣзненность *). Есть еще болѣе близкое къ истинѣ предположеніе, основанное на опытѣ, что когда человѣкъ началъ проникать въ несвойственный ему суровый климатъ и, чувствуя недостаточность своей естественной защиты, началъ покрываться, вѣроятно, прежде всего шкурами убитыхъ имъ другихъ животныхъ, то подъ ними его собственная шерсть подопрѣла и вылѣзла; такъ было еще недавно при введеніи въ употребленіе париковъ: скрывавшіе ими свои сѣдые или рыжіе волосы немедленно те-

*) Это мнѣніе еще недавно было высказано на замѣчательныхъ факультетныхъ лекціяхъ о медицинѣ, читанныхъ въ Казани Докторомъ Ф. К. Залѣсскимъ. *Ниж.*

ряли ихъ вовсе, такъ-какъ первые парики дѣлались на плотной ткани, непропускавшей испареній и т. д. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ то критическомъ положеніи человѣкъ нашелся какъ нельзя лучше, въ чемъ онъ заслуживаетъ и удивленіе, и уваженіе. Очутившись голымъ, какъ-бы то ни было, т. е. будучи-ли такъ созданнымъ, или потерявъ естественный покровъ по своей винѣ, или по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, тѣснимый въ зимнее время холодомъ, а въ лѣтнее — жаромъ, и во всякое время непогодами, угрожаемый другими животными, — герой этотъ обстановился такъ, что справедливо могъ назваться «царемъ земли». Начиная отъ простаго шалаша, онъ наконецъ дошелъ до изумительной постройки храмовъ и дворцовъ, соединенныхъ въ города, величинѣ и красотѣ которыхъ дивились мы не мало. Взамѣнъ утраченнаго естественнаго покрова, онъ, употребляя все, что попадалось ему подъ руку, произвелъ удивительныя ткани... Но за всѣмъ тѣмъ, смотря на роскошный остатокъ естественнаго человѣческаго покрова — волосы на головѣ, нельзя еще сказать утвердительно, чтобы онъ замѣнилъ его красоту и удобство; да еще надобно сказать и ту правду, что чудакъ этотъ едвали и заботится о дѣйствительной красотѣ и удобствѣ изобрѣтенныхъ имъ покрововъ! Смотря на нихъ безпристрастно, вижу,

что онъ скорѣе заботится о безобразіи и неудобствѣ этаго изобрѣтенія. Сверхъ того онъ еще далеко не достигъ тѣхъ красотъ покрововъ, которыми надѣлены природою другія животныя, напримѣръ, нѣкоторыя птицы. Но далѣе: лишенный копытъ для удобства ходьбы, человѣкъ сшилъ на удивленіе сапоги, и особенно башмаки, такъ что обутая въ послѣдніе ножка приводила въ восторгъ поэтовъ и они не разъ воспѣвали ее; лишенный крыльевъ для летанія, онъ употребилъ для этой цѣли спачала животныхъ, но этого показалось ему мало: онъ подчинилъ себѣ главныя силы природы, воспользовавшись расширеніемъ вслѣдствіе насильнаго сжатія, и устроился такъ, что летаетъ быстрѣе всякой птицы. Слишкомъ бы распространилось это письмо, если привести всѣ изобрѣтенія человѣка: буду говорить о нихъ по временамъ, а теперь нахожу достаточнымъ сказаннаго, чтобы ты имѣлъ понятіе въ какую среду я вступаю, чтобы личнымъ наблюденіемъ, а подъ часъ и испытаніемъ убѣдиться, что надежнѣе: высокій-ли умъ, руководиться которымъ стремятся на землѣ, или здравый смыслъ, котораго исключительно держатся на другихъ планетахъ?

. . . .

7.

«Сынъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей».
Избитая фраза.

Мѣсто, неупоминаемое въ печати.
Годъ, мѣсяцъ, число.

Я примкнулъ къ бѣдному, но благородному семейству средней руки. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Въ то время въ Россіи было на исходѣ переходное состояніе отъ прежнихъ, вѣками установившихся порядковъ къ новымъ, хотя уже болѣе вѣка принятымъ, но туго прививавшимся. Обычаи старины замѣтны были еще гораздо яснѣе, чѣмъ обычаи новизны, и притомъ въ стройномъ, установившемся видѣ, ... Этому обстоятельству обязанъ я хорошимъ физическимъ развитіемъ, потому что мать моя не стягивалась корсетомъ до трещанія костей и не носила кринолиновъ, открывающихъ все основаніе женщины вліянію всѣхъ вѣтровъ... Я не оспариваю нѣкоторыхъ нехорошихъ сторонъ этой старины особенно въ политическомъ отношеніи,—но имѣя, возможность судить безпристрастно, не долженъ умолчать и о хорошихъ сторонахъ ея. Напримѣръ: . . . . .
. . . . . .
Въ одномъ, къ сожалѣнію, уже рѣдкомъ обстоятельствѣ заключается зачатокъ тѣхъ физиче-

скихъ и нравственныхъ силъ, которыя поддерживали меня на всемъ земномъ поприщѣ и дали мнѣ завидную старость... разумѣется при непремѣнномъ условіи строгаго исполненія въ жизни своего долга . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Далѣе меня начала кормить сама мать моя. Ты, конечно, тотчасъ спросишь: какъ же иначе? Въ томъ-то и дѣло, что бываетъ весьма часто иначе. Люди, ведомые своимъ *умомъ*, не затруднились переступить естественный законъ и допустить матерей не кормить своихъ дѣтей. Кромѣ кормилицъ изъ своего рода, они допускаютъ къ этому даже другихъ животныхъ и даже придумали искусственное кормленіе такъ называемымъ рожкомъ, т. е. инструментомъ, замѣняющимъ грудь.

Вотъ этотъ-то инструментъ произвелъ въ людяхъ крайне странную привычку, о которой войду здѣсь въ подробность.

Рожекъ, посредствомъ котораго питаютъ дѣтей коровьимъ молокомъ, получилъ названіе отъ того, что онъ обыкновенно дѣлается изъ рога, почему и имѣетъ его форму, хотя у богатыхъ дѣлаютъ его изъ серебра и золота; къ одному концу привязанъ коровій сосокъ, а въ другой конецъ наливается молоко; но какъ невозможно, чтобы дитя безпрерывно сосало молоко, то для

успокоенія его даютъ ему въ ротъ пустой рожокъ, чрезъ который онъ втягиваетъ въ себя, къ крайнему своему вреду, воздухъ, проходящій чрезъ узкое отверстіе соска, постоянно предающагося гнилости. Но главное зло въ томъ, что младенецъ нерѣдко въ теченіи двухъ и болѣе лѣтъ получаетъ привычку имѣть что-либо во рту и сосать это что-либо. Эту привычку дѣтства, отъ которой разумѣется трудно отстать, — да люди и не имѣютъ правила отставать отъ своихъ привычекъ, хотя бы и дурныхъ, — они удовлетворяютъ до самой смерти, сося почти безпрерывно, не пустой рожокъ, конечно, а нѣчто въ родѣ этого и даже, пожалуй, и хуже этого, именно: устраивается новый инструментъ почти въ родѣ рожка, въ широкое отверстіе котораго кладется сушеная трава растенія, дающаго при горѣніи ѣдкій и нѣсколько одуряющій дымъ. Трава эта зажигается и медленно горитъ, и человѣчество тянетъ въ себя этотъ дымъ, какъ млеко, частію глотая его и частію выпуская на воздухъ. Въ настоящее время въ большомъ употребленіи бумажные цилиндры, набиваемые для той же цѣли той же травою. Кромѣ того, свертываютъ и одну траву такъ, что она медленно горитъ съ одного конца, а съ другаго производится сосаніе дыма. Торговцы для лучшаго горѣнія травы примѣшиваютъ къ ней сѣру и т. п. вредныя вещества.

Трава эта называется табакомъ и бумажныя трубочки — папиросами, а изъ самаго табаку — сигарами. Но дѣло въ томъ: попробуй убѣдить разумное существо, что эта въ высшей степени смѣшная и вредная привычка есть слѣдствіе дѣтской привычки сосать пустой рожокъ — ни за что не убѣдишь; будутъ доказывать, что это именно одно изъ отличій человѣка отъ животныхъ, лучшее изобрѣтеніе его разума, умѣнье пользоваться дарами природы и т. д. Но доказательство именно сказаннаго происхожденія этой великой особенности человѣческаго рода я опять нахожу у приверженцевъ старыхъ русскихъ порядковъ: они не уклоняются нисколько отъ естественныхъ законовъ природы, не допускаютъ никакихъ суррогатовъ имъ, потому матери ихъ кормятъ дѣтей своихъ сами, не даютъ имъ никакихъ рожковъ, и дѣти ихъ выросши не имѣютъ никогда потребности сосать табачный дымъ, и *никогда не сосутъ табаку*.

Но что ты скажешь о другомъ способѣ употребленія табачнаго растенія? Его растираютъ въ порошокъ и — порошокъ этотъ втягиваютъ въ ноздри. Не вѣришь? — Клянусь тебѣ, что это истинная правда. Отъ чего и какъ произошла эта дикая привычка, я теперь еще не могу тебѣ разсказать, — но я слышалъ по поводу ея, и въ доказательство силы этой привычки, замѣ-

чательную легенду, разсказываемую тѣми же приверженцами стараго порядка, ненавистниками употребленія табаку.

. . . . . .

. . . . . .

Въ высшей степени смѣшная привычка къ употребленію табаку и многія иныя привычки вполнѣ характеризуютъ ненормальное состояніе, что доказывается и тѣмъ, что люди съ презрѣніемъ смотрятъ на имѣющихъ силу воли не подчиняться какимъ бы то ни было привычкамъ, такъ-что находятся такіе чудаки, которые навязываютъ себѣ дурныя привычки, не чувствуя къ нимъ склонности, — то изъ тщеславія, или изъ страха, ложнаго стыда, обезьянства и т. п.

8.

«Вѣра безъ дѣлъ мертва есть».
Посл. Св. Апост. Іак. II, 20.

Забайкалье.
Годъ, мѣсяцъ, число.

За весьма немногими исключеніями, общее и, можно сказать, единственное людское стремленіе къ обогащенію, т. е. обстановкѣ себя иногда совершенно излишней роскошью, этимъ безсмысленнымъ переходомъ за границу здра-

ваго смысла (сверху ясно видно, какъ люди изъ кожи лѣзутъ, чтобы что нибудь пріобрѣсть), — стремленіе это прикрывается стремленіемъ къ заслуженію вѣчной жизни, жизни за гробомъ, но людскія мѣры къ этому крайне занимательны по разнообразности... Родители мои однакоже непритворно имѣли послѣднее стремленіе, и потому домъ нашъ нѣкоторымъ образомъ былъ похожъ на монастырь, гдѣ почти безпрерывно шли молебствія, приходили и пріѣзжали благочестивые люди. Это было мое первое земное впечатлѣніе, и я начну съ него настоящее письмо.

. . . . . .

. . . . . такъ-какъ крайне дико полагать, чтобы безпредѣльное могущество Творца не могло создать лучшаго міра, какой видимъ здѣсь и что этотъ міръ безъ цѣли такъ не хорошъ! Вѣдь и на самой землѣ есть образчики лучшихъ міровъ: Италія, напримѣръ. Какъ же думать, что Богъ не могъ сдѣлать всей земли Италіей, еслибы въ непостижимыхъ цѣляхъ его не нужны были — туманные Альбіоны, холодныя Сибири, песчаныя Сахары и какія нибудь грязныя *на-Казань-я* *).

Ничего нѣтъ проще и, повторяю, естественнѣе, какъ этимъ ссыльнымъ молиться о прощеніи и возвращеніи въ ту обѣтованную оби-

*) Грамматическая ошибка; должно быть: *наказанья*. П.

тель, о которой они сохранили болѣе или менѣе вѣрное, хотя и смутное понятіе. «Господи, возвахъ къ тебѣ, услыши мя! Услыши мя, Господи!» или «Господи помилуй!» взываютъ люди съ разныхъ земныхъ точекъ, — и это такъ просто и понятно. . . . . Самый осязательный, хотя и наглядный, примѣръ этому положенію всего человѣчества вижу я въ странѣ, изъ которой пишу. Называется она Сибирью и служитъ для огромнаго государства Россіи мѣстомъ ссылки людей въ чемъ либо провинившихся въ мѣстахъ своихъ жительствъ . . . . . Таковое настроеніе сибиряковъ дало имъ вполнѣ исключительный характеръ и Русскіе. . . . . считаютъ ихъ людьми неспокойными, кляузниками, ябедниками, — а между тѣмъ, какъ видишь, весь родъ человѣческій, въ отношеніи къ общему составу вселенной, есть точь въ точь Сибиряки въ отношеніи къ Россіи... Что, ежели весь этотъ человѣческій родъ, такъ много взывающій къ небу о прощеніи, безпрестанно просящій царствія небеснаго, упоминовенія о себѣ въ немъ и проч., пользуется тамъ такою же репутаціею, какою Сибиряки въ Россіи? Очень можетъ быть, ибо и просьбы, и даже молитвы, выходящія изъ границъ здраваго смысла, не могутъ внушать располагающаго чувства.

Скитаясь еще по окрестностямъ селъ, однажды набрелъ я на пашню, гдѣ стояла лошадь съ сохою, а пахаря не было. Всмотрѣвшись по сторонамъ, увидѣлъ я высокій пень, на него надѣта была шапка и намалевана углемъ рожа; человѣкъ стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ и что-то говорилъ съ жаромъ, я подкрался и услышалъ слѣдующее:

— Ни въ чемъ невиненъ, Ваше Превосходительство, по оговору сосланъ: однажды ночью шелъ по чужому двору, споткнулся, упалъ на лежавшую лошадь, она соскочила и умчала меня въ лѣсъ, гдѣ насъ нашли съ нею и обвинили меня напрасно въ конокрадствѣ...

Несчастный этотъ удовлетворялъ своей потребности просить, жаловаться и репетировалъ передъ ожидаемымъ пріѣздомъ генерала.

. . . . . .

Но обращаюсь къ истиннымъ убѣжденіямъ людскимъ. Казалось бы, что не должно быть даже тѣни сомнѣнія въ сущности и пользѣ ихъ, имѣющихъ для нравственной натуры человѣка то же самое значеніе, какое имѣетъ воздухъ для его физической натуры, т. е. значеніе неизбѣжной необходимости. Но тутъ-то и выказывается во всей своей полнотѣ и наготѣ болѣзненность людскаго рода. Начать съ того, что съ незапамятныхъ временъ ведется между людьми ожесточенный, доходившій до кровавыхъ ре-

зультатовъ споръ о томъ, чье убѣжденіе лучше? Какъ будто это какая нибудь вещь, а не отвлеченное понятіе, выражающее степень народнаго развитія! Этого мало: — по временамъ, а въ послѣднее время и довольно часто, являлись такіе сумасброды, которые доказывали, что не должно быть никакихъ отвлеченныхъ убѣжденій и вѣрованій — и, подивись, до чего можетъ доходить этого рода помѣшательство, имѣли послѣдователей и составили себѣ, разумѣется, печальную извѣстность.

Этотъ видъ умственной немочи возведенъ нѣкоторымъ образомъ въ науку и названъ *отрицаніемъ*, поборники этой жалкой *науки* носятъ названіе нигилистовъ, производя его отъ латинскаго слова nihil — ничто. Но старообрядцы, въ своей нерѣдко притворной наивности, называютъ этихъ господъ *агелистами*, производя это слово отъ греческаго: аггелъ — павшій ангелъ, злой духъ... Можетъ быть случайное, но вѣрное названіе!

Самая же главная, такъ сказать существенная суть этого вида помраченія состоитъ въ томъ, что люди никакъ не могутъ или не хотятъ понять, что отвлеченное вѣрованіе . . . . . .есть ихъ единственное, существенное, незыблемое благо, счастіе въ полнѣйшемъ значеніи слова. Оно въ существѣ человѣческаго рода, въ его точномъ

значеніи, играетъ самую первостепенную роль, такъ что безъ него, и только именно безъ него, человѣкъ былъ бы, какъ онъ ни хитрись, ни что болѣе, какъ животное. Вотъ это по чему. Возьмемъ, разумѣется не рѣдкія, исключительныя натуры, имѣющія свои высшія стремленія, — возьмемъ всю массу человѣчества. Ну, вотъ она просыпается отъ необходимаго ежедневнаго сна. Чѣмъ начать ей день? Животная потребность побуждаетъ ее къ употребленію пищи, и конечно, не будь нравственныхъ обычаевъ, всѣ эти разумныя существа припялись бы жевать, не отличаясь ни чѣмъ отъ коровъ и свиней.

Но тутъ-то и является . . . . . помощь. Она требуетъ, чтобы человѣкъ, проснувшись, прежде всего осѣнилъ себя обычнымъ знаменіемъ. Потомъ сдѣлалъ омовеніе лица и рукъ, — а по ученію Магомета—и другихъ частей тѣла,— за тѣмъ совершилъ молитву, сначала благодарственную за благополучное проведеніе ночи, въ которую дѣйствительно слабое существо это нуждается въ покровительствѣ, ибо съ одной стороны погружается въ безчувственное состояніе, имѣющее полное подобіе смерти, а съ другой — отдаетъ себя въ полное распоряженіе всѣмъ случайностямъ, въ числѣ которыхъ главная — дѣятельность недремлющихъ по ночамъ дѣятелей; потомъ просительную, чтобы провести

хорошо предстоящій день. Настроенные такимъ, исключительно человѣческимъ способомъ, люди хотя и принимаютъ необходимую пищу, — но уже нисколько не кажутся животными.

Въ дни, установленные для отдыха отъ трудовъ, такъ называемые праздники, чтобы сталъ дѣлать человѣкъ, въ натурѣ котораго преобладаетъ побужденіе къ какой нибудь дѣятельности? Безъ религіи, онъ началъ бы съ утра пить и ѣсть, — а какъ ѣду и особенно питье возвелъ онъ въ одуряющее свойство, — то конечно въ первый же день обожрался бы до рвоты, что и случается видѣть нерѣдко. Отъ этаго-то гнуснаго состоянія спасаетъ его только одна религія. Въ праздники онъ долѣе воздерживается отъ пищи, чѣмъ въ обыкновенные дни, ибо посѣщаетъ храмы, слушаетъ воспоминанія о подвигахъ служителей религіи, почерпаетъ изъ этого поученіе и примѣръ. При томъ онъ удовлетворяетъ своей самой невинной и въ высшей степени пріятной слабости, покрывать свое голое тѣло изящными тканями и взаимно показываться, и взаимно удивлять другъ друга... А главное поддразнивать тѣхъ мохнатыхъ животныхъ, кои отъ природы получили свое украшеніе. Къ сожалѣнію эти неучи и не обращаютъ даже вниманія на всѣ разнообразные покровы, а невѣжи-собаки такъ подъ часъ даже и рвутъ ихъ...

Да, праздники уже по одному тому полезны, что заставляютъ людей къ этимъ днямъ чиститься, подобно опойковому сапогу, который, благодаря этой мѣрѣ, имѣетъ постоянно новый и приличный видъ и гораздо долѣе сохраняется.

Но перейдемъ къ другимъ, болѣе серьезнымъ положеніямъ религіознаго человѣка.

Въ счастіи онъ имѣетъ пріятную причину чувствовать благодарность и сознавать нѣкоторымъ образомъ свое достоинство и заслугу этого счастія.

Въ несчастіи, спрашивается, чѣмъ бы могло утѣшиться и чѣмъ обнадежиться это въ высшей степени обиженное и обижаемое несчастное существо?

Религія представляетъ человѣку важную возможность выходить изъ затруднительныхъ, какъ говорится, критическихъ положеній. Увлеченный вѣтромъ молодости, пыломъ страстей, — накутилъ, напроказилъ такъ, что хоть лѣсть въ петлю, и будь увѣренъ, что бываютъ такія гадкія положенія, что и не было бы другаго исхода, еслибъ не было религіи. Она просто и естественно поправляетъ дѣло. Стоитъ только искренно покаяться, перемѣнить радикально образъ своихъ дѣйствій, — и человѣкъ снова сталъ человѣкомъ!

Конечно безъ здраваго смысла, безъ яснаго и чистаго пониманія своихъ обязанностей и

долга, — все это выходитъ каррикатурно и даже иногда отвратительно, — ибо носитъ только одно пустое названіе, безъ малѣйшаго внутренняго значенія...

Но пока довольно. Настроенный прежде всего въ этомъ духѣ, я, конечно, не упущу ни одного случая, чтобы возвращаться къ этому важному предмету...

9.

«Хамаръ-дабанъ гора, высока,
Лежитъ на полдень отъ Востока».

Разсказовъ.

«Я нашелъ, что земля съ *носомъ*, какъ и слѣдовало ожидать». *Подр. гр. Перовскому* *)

Хамаръ-дабанъ — гора *Носъ.*

Годъ, мѣсяцъ, число.

Неоспоримыя доказательства того печальнаго состоянія, въ которомъ находится человѣческій родъ, встрѣчаются на каждомъ шагу, представляя поразительныя и вовсе неожиданныя явленія... Утѣшаюсь, впрочемъ, мыслію, что это можетъ быть только мнѣ такъ кажется съ высоты моего взгляда на землю... Приведу однакоже нѣсколько примѣровъ.

*) Здѣсь авторъ, кажется, намекаетъ на каламбуръ гр. Перовскаго когда онъ принужденъ былъ морозами воротиться изъ Хивинскаго похода, онъ сказалъ: «Несмотря на такія морозы, мы воротимся въ Оренбургъ съ *носами*». (См. письма В. П. Даля, въ Рус. вѣст. 1866 г. №11.)

Ниж.

Не подлежитъ сомнѣнію, что . . . . . .
. . . . . .
всего естественнѣе искать . . . признака разума въ высшемъ слоѣ человѣческаго общества. Что же находимъ? Только простой народъ, эта, къ счастію, огромнѣйшая масса человѣчества, всецѣло тверда въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, такъ что можно съ полною увѣренностію сказать, что въ милліонахъ этихъ единицъ не найдешь ни одной, нарушающей нетолько дѣломъ, или словомъ, но даже помышленіемъ дивную гармонію этого отраднаго человѣческаго настроенія, — но лишь начни подыматься въ высшія сферы, такъ уже будешь натыкаться на такія встрѣчи, что при всемъ желаніи думать лучше о людахъ, никакой нѣтъ возможности удовлетворить этому желанію...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Взглянемъ на другія обязанности человѣка. Начнемъ съ воспитанія.

Казалось бы что можетъ быть проще и естественнѣе, какъ домашнее воспитаніе; тутъ обѣ стороны заинтересованы и поставлены въ пріятное положеніе исполненія долга: родители, зная, что они обязаны будутъ передать дѣтямъ своимъ тѣ свѣдѣнія и понятія, которыя въ свою очередь получили отъ своихъ родителей, при-

готовляются невольно къ этой священной обязанности и, конечно, исполнятъ ее по мѣрѣ своихъ силъ и способностей; точно также и дѣти, имѣя въ виду, что и они въ свое время войдутъ въ роль родителей, принимаютъ ихъ наслѣдіе съ должнымъ вниманіемъ и, такъ сказать, представляютъ плодотворную почву, а не какой нибудь камень... Подивись же, любезный другъ, что эта великая и вмѣстѣ съ тѣмъ простая истина сознается и исполняется только въ той же массѣ простаго народа, о которой, ... я сказалъ выше, ...

. . . . . .

Но чуть только кто выбился изъ этой массы, какъ уже и помышляетъ сложить съ себя священную обязанность воспитанія дѣтей и передать ее наемникамъ; а уже въ высшихъ слояхъ это — непреложное правило. Отсюда происходитъ та перекрестка понятій и свѣдѣній, подобія которой не можетъ изобразить никакое разрушеніе. Для лучшаго и наилегчайшаго достиженія избавленія людей отъ ихъ прямой и священнѣйшей обязанности устроены на земномъ шарѣ разныя учебныя заведенія, о размноженіи и расширеніи которыхъ правительства народовъ прилагаютъ крайнее стараніе, такъ что положительно можно сказать, что объ идеѣ, необходимости и пользѣ домашняго воспитанія, о развитіи его и усовершенствованіи вовсе

нѣтъ и помышленія*); а между тѣмъ буду имѣть печальную необходимость сообщить тебѣ какихъ субъектовъ даетъ это публичное и вмѣстѣ съ тѣмъ замкнутое воспитаніе, какимъ разсадникомъ настоящаго грустнаго положенія людей оно служитъ и пр.

Домашнее воспитаніе, естественное и единственное — раціональное, даже считается въ нѣкоторой степени безчестіемъ, такъ-что когда потребовали поясненія въ формулярныхъ спискахъ: «гдѣ воспитывался?», то очень рѣдкіе рѣшались написать: «въ домѣ родителей» а нѣкто такъ объяснилъ свое воспитаніе:

«Кончилъ полный курсъ наукъ въ Архангельскомъ приходскомъ училищѣ»

Другой: «учился въ *Петровской Академіи*», тогда какъ академія подъ этимъ названіемъ открыта въ Москвѣ тогда уже, когда онъ былъ старикомъ; а учился онъ въ Горномъ училищѣ Петровскаго завода.

Съ людской точки зрѣнія это выходитъ отлично. Женись, пожни плоды этой лучшей поры жизни и отдай ихъ на попеченіе другихъ, заплативъ потребную сумму денегъ, а иногда и

---

*) Разумѣется, это было писано гораздо прежде недавно распубликованныхъ у насъ убѣжденій Министерства Народнаго Просвѣщенія о необходимости домашняго приготовленія къ поступленію въ учебныя заведенія и домашняго надзора во все время нахожденія въ оныхъ воспитанниковъ. Ниж.

отнеся этотъ расходъ на казенный счетъ, или не заплатя что слѣдовало...—и потомъ, умывъ руки, предавайся наслажденіямъ жизни, служи для полученія чиновъ и орденовъ, играй въ карты, танцуй подъ чужую музыку, или заставляй другихъ плясать подъ свою, или прозябай въ бездѣйствіи и т. п.: твою прямую обязанность исполнятъ другіе. Но вопросъ въ томъ, какъ исполнятъ? Могутъ-ли они, при всемъ добромъ желаніи, исполнить обязанности родителей къ дѣтямъ, не питая врожденнаго къ нимъ симпатическаго чувства? Странно даже не видѣть въ этомъ порядкѣ крайняго заблужденія, и что онъ поддерживается тѣми, кому это очень выгодно... Возразятъ, конечно, что родители не могутъ же имѣть всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какіе нужно передать дѣтямъ. Согласенъ; но кромѣ того, что они должны по возможностя приготовляться къ исполненію своего долга, кто же помѣшаетъ имъ приглашать себѣ помощниковъ? Тутъ важнѣйшая польза въ томъ, что сами они будутъ освѣжать и дополнять свои свѣдѣнія, и тогда не будетъ *отцовъ и дѣтей* въ извѣстномъ смыслѣ...

Но пожалѣй своего друга — онъ, съ такимъ взглядомъ на воспитаніе, немедленно, по достиженіи семи лѣтъ отъ роду, долженъ будетъ оставить родительскій домъ и отправится въ чужой городъ, въ чужой домъ, въ чужую семью.

Вотъ отсюда-то и начинается моя печальная исторія странствованія въ образѣ земнаго существа.

Прежде однакоже, чѣмъ начать тянуть для тебя эту канитель, я воспользуюсь свободнымъ временемъ ранняго дѣтства (у людей только и есть свободной поры во всю ихъ жизнь,) воспользуюсь данными мнѣ для моего путелетанія средствами и сдѣлаю предварительный быстрый обзоръ предстоящаго мнѣ поприща, для чего запасаюсь почтовою картою.

10.

«Альбертъ *Великій* былъ самый *маленькій* господинъ. Когда папа увидѣлъ его въ своей пріемной, то полагая, что онъ стоитъ на колѣняхъ, нѣсколько разъ сказалъ ему «встань!» (?)

Большая кудара.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Пошелъ я на ближайшую гору Могой (змѣй) играть собственно въ сибирскую игру: спускаютъ по крутизнѣ огромные камни, они летятъ въ припрыжку, ломаютъ на пути своемъ деревья, убиваютъ скотъ и нерѣдко опрокидываютъ бурятскія жилища... Съ этой горы пустился въ путь и взлетѣлъ слишкомъ высоко, такъ-что шаръ земной на моментъ предсталъ моему взору въ видѣ круглой швейной подуш-

ки, въ которую воткнута тысяча милліоновъ булавокъ, еще взмахъ крыльями и швейная подушка обратилась въ муравейникъ, булавки начали суетиться, копошиться, таскать разные предметы, въ томъ числѣ, въ отличіе должно быть отъ настоящихъ муравьевъ, начали они убивать другъ друга, грабить, обворовывать, насиловать и т. д., словомъ предстала очамъ моимъ самая безалаберная миніатюра, изображающая общее отступленіе отъ прямаго пути, назначенія, долга... Надобно спуститься пониже. Вижу ясно странность,—проистекающую изъ того же извращенія человѣческой натуры, о которомъ упоминалъ уже,—отразившуюся на внѣшнихъ формахъ. За весьма малыми исключеніями, вижу почти непреложное явленіе, что человѣкъ, чѣмъ представительнѣе въ своихъ наружныхъ формахъ, тѣмъ онъ ничтожнѣе въ своихъ душевныхъ качествахъ. А между тѣмъ было время, еще не совсѣмъ исчезнувшее, что этотъ наружный видъ принимался за внутреннее достоинство... Явленіе это поражаетъ крайне непріятно. Видишь, напримѣръ мужчину пожилыхъ лѣтъ, колоссальнаго роста, украшеннаго сѣдиною на головѣ и длинной бородѣ, во всей осанкѣ такъ и проглядываетъ величіе, вызывающее уваженіе и почтеніе,—но какъ только всмотришься или, къ несчастію, столкнешься въ дѣлахъ какихъ ни-

будь,—такъ и откроешь, что эта великолѣпная рама служитъ вмѣстилищемъ самаго мизернаго нравственнаго изображенія. Или является представительнѣйшій мужъ, еще молодыхъ лѣтъ, точно писанный, или вылитый въ самые изящные формы, ну словомъ такой, котораго изъ тысячи ему подобныхъ выбрала бы себѣ въ мужья оставленная . . . . . любовница; . . . . . узнавать душевныя качества некогда было; хорошъ, думаетъ себѣ, очень хорошъ!—а какъ раскусила, такъ сама же, не обинуясь, называетъ его дуракомъ...

Однако же, принимая въ соображеніе, что люди, это лучшее и послѣднѣе созданіе Творца, по одному этому должны быть равно всѣ красивы, и эта физическая красота вовсе не должна развиваться на счетъ красоты нравственной, или на оборотъ, и видя съ одной стороны красоту съ самыми жалкими нравственными качествами, а съ другой—безобразіе съ самыми возвышенными душевными способностями,—невольно приходишь къ убѣжденію, сколько надобно было злоупотребленій дарованныхъ природою благъ, чтобы произвести такое ужасающее явленіе? И этотъ въ высшей степени обезобразившійся типъ человѣческаго рода дерзаетъ называть себя разумнымъ, образцовымъ твореніемъ!.. хороша, на

этомъ основаніи . . . . . .
копія, которая, напримѣръ, въ данную минуту упивается виномъ до того, что ползетъ на четверенькахъ, если еще можетъ ползти, а то бухнетъ въ лужу... Такихъ положеніи множество,—но исчисленіе ихъ, кромѣ непріятности такого труда, было бы односторонностію, и я спѣшу утѣшить тебя, что есть между людьми и точно носящіе подобіе своего Творца, проявляя его качества въ строгомъ исполненіи Его Св. воли и, слѣдовательно, своего прямаго долга. Современемъ приведу доказательства, а теперь благослови меня на предпринятое мною бѣглое обозрѣніе Россіи...

11.

Надъ Кяхтою.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Разумѣется, всего больше и всего раньше интересовалъ меня городъ, гдѣ назначалось мнѣ учиться. Онъ былъ и ближайшій къ мѣсту моего рожденія. Городъ этотъ — Троицкосавскъ, предмѣстіе знаменитаго торговаго мѣстечка Кяхты, сосѣдки также извѣстнаго китайскаго городка Маймечень. Пунктъ, какъ видишь, весьма важный, и, конечно, не было ничего необходимѣе и логичнѣе какъ выбрать для основанія этого бу-

дущаго великаго города — точки прикосновенія торговыхъ сношеній двухъ великихъ народовъ,—самое лучшее и удобное мѣсто,—но тутъ-то человѣкъ и показалъ себя, на сколько онъ способенъ видѣть въ будущемъ. Когда я поровнялся съ этимъ китайско-русскимъ порто-франко, рисуя его въ своемъ воображеніи великолѣпно раскинутымъ на широкой долинѣ, прорѣзанной широкою рѣкою, по ней ходятъ суда и т. д.—вдругъ, о ужасъ! вижу какую-то песчаную яму! Не подумай пожалуста, что я преувеличиваю; это сказано математически вѣрно. Представь себѣ глубокій песчаный оврагъ, въ глубинѣ его течетъ смѣшанный съ водой *песокъ;* это вѣрно: *песокъ течетъ,* говорю тебѣ! Ничтожнѣйшій ручеекъ этотъ, какъ нельзя точнѣе, названъ *Грязнухою.* На берегахъ его налѣплены деревянныя лачуги съ невообразимою тѣснотою, неотразимо приготовившую полную пищу первому пожару *). По обѣ стороны этой жалкой мѣстности раскинуты превосходныя долины,

*) Онъ и случился въ 1846 году, истребивъ почти все населеніе Троицкосавска. Пожаръ этотъ былъ на три часа огненнымъ моремъ, берегами котораго были окружающія городъ возвышенности. Спасеніе чего-либо не было мыслимо, однакоже небольшая часть города спасена и спасена оригинальнымъ способомъ. Пожаръ направился къ питейной конторѣ. Откупщикъ велѣлъ выкатить бочку вина и вскричалъ народу: «Пейте, ребята, и спасайте! — Ну и начали пить и спасать, бросивъ свои домишки, отстояли контору и тѣмъ спасли часть города, за ней лежащую. *Ниж.*

орошаемыя двумя большими рѣками, потомъ сливщимися въ одну знатную судоходную рѣку, вливающуюся въ огромное озеро, изъ котораго вытекаетъ чудная рѣка, тянущаяся въ непроницаемую даль. Сама природа устроила этотъ дивный водный путь для торговли двухъ великихъ народовъ, стоило бы только на этомъ пути основать пунктъ этого народнаго сношенія, — а онъ вдали заброшенъ въ яму! Диво да и только.

Если бы я былъ, какъ говорится, семи пядей во лбу, то и тогда не отгадалъ бы причины такого поразительнаго явленія. Какъ на пространствѣ можетъ быть нѣсколькихъ десятковъ тысячь квадратныхъ верстъ, пространствѣ въ высшей степени прекрасномъ и удобномъ для населенія, орошенномъ большими рѣками, осѣненномъ разнообразными горами, покрытыми лѣсомъ и раздѣленными чудными долинами, пространствѣ блестящемъ яркою зеленью и самою разнообразною флорою, — какъ на этомъ диво-дивномъ полѣ, бывшемъ въ полномъ распоряженіи основателей торговаго города, — выбрать для него это гадчайшее мѣсто, подобнаго которому, въ этомъ смыслѣ, я увѣренъ, нѣтъ на землѣ другаго? Да, отгадать эту загадочную тайну не было возможности; къ счастію, я слышалъ уже отъ няньки исторію этого дикаго основанія. Надобно сказать тебѣ, что это было

въ началѣ XVIII столѣтія, именно въ 1727 году. Тогда Россія была еще, какъ выражаются, въ младенческомъ состояніи; вѣрнѣе же сказать, въ эпоху перехода ея отъ своего стараго вѣковаго быта, который требовалъ только освѣженія . . . . . .
Это состояніе дѣйствительно было болѣе чѣмъ младенческое, оно было старчески-младенческое... Тогда, естественно, могли являться такіе дѣятели, какъ основатель Троицкосавска. . . . . Онъ обозрѣлъ пространство, чтобы выбрать мѣсто для торговаго пункта между Китаемъ и Россіею. Удобныхъ мѣстъ представилось множество, но вотъ бѣда: всѣ рѣки текутъ изъ Китая въ Россію. Что, ежели будутъ непріязненныя отношенія, то, вѣдь, Китайцамъ стоитъ только отравить воду и Русскіе погибли! Какъ тутъ быть? Надобно во что бы то ни стало найти такую рѣку, которая текла бы въ Китай. Ну, и нашелъ вышеписанную *Грязнуху*. Основалъ на ней градъ сей . . . . . .
Ну, знаменитая Грязнуха, напитаешь ты меня грязью! — Названіе Кяхты есть Монгольское отъ имени росшей тутъ травы — *Кяхъ:* пырей. Стало-быть, коли перевести на русскій языкъ названіе Кяхты, — выйдетъ: пырейка, пырка... Ну, махнулъ на нее рукой и обернулся къ Китаю.

12.

Съ высоты птичьяго полета Китайскій каменный городокъ, возлѣ деревянной Кяхты, Маймачень, представляется весьма замѣчательною вещичкою. Это точь въ-точь красивая клѣтка. Расположенъ онъ правильнымъ продолговатымъ четвероугольникомъ, прорѣзаннымъ тремя продольными прямыми улицами и двумя поперечными, образуя такимъ дѣленіемъ двѣнадцать правильныхъ квадратовъ, съ красивыми и своеобразными башнями на главныхъ перекресткахъ; въ срединѣ городка лучшіе домики заняты купцами, по бокамъ ремесленниками, прислугою, огородниками*) и извощиками; конюшни, птичники и проч. въ концахъ города. Онъ населенъ 5-ю тысячами жителей, такъ же какъ и Троицкосавскъ, но занимаетъ десятую часть пространства послѣдняго, несмотря на то, что русскій городъ крайне стѣсненъ неудобною мѣстностію. Это наглядное доказательство какъ два народа различаются въ умѣньи селиться; русскіе на этотъ счетъ куда какъ оригинальны, у нихъ иной домъ съ дворами и пристройками — цѣлое село... Китайскій горо-

*) Огороды за городомъ и возведены въ такое совершенство, что Русскіе, получая отъ Китайцевъ раннею весною лукъ и редисъ, приписываютъ это *Китайской хитрости* и ихъ *бусурманству*.

докъ чистъ какъ игрушка, вечеромъ освѣщается великолѣпно разноцвѣтными фонарями *). Выстрѣлъ изъ пушки утромъ и вечеромъ означаетъ пору начатія и прекращенія дѣлъ. Съ первымъ открываются, а со вторымъ закрываются городскіе ворота **). Китайцы народъ дѣятельный, въ предѣлахъ своей дѣятельности — торговли. Вообще Китай кажется мнѣ страною замѣчательною своею особенностію и привлекаетъ меня къ себѣ, но я не рѣшаюсь нарушить плана моего изученія земли и не лечу теперь туда, — а вотъ какъ начну человѣческую дѣятельность, то постараюсь попасть туда въ качествѣ какого нибудь должностнаго лица, почему и внесъ эту статью въ свой планъ...

13.

«Чихнешь при въѣздѣ въ городъ, и лишь протеръ глаза, — города уже нѣтъ!»

Марлин.

Надъ Забайкальемъ.

Годъ, мѣсяцъ, число.

По взятой мною картѣ, я долженъ былъ видѣть между Кяхтою и Иркутскомъ, на раз-

*) Жители г. Казани могутъ видѣть близкое подобіе этого китайскаго освѣщенія лѣтомъ въ саду Г. Износкова. Н.

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Кяхтѣ и Маймачень, съ планомъ ихъ, можно найдти въ Русской Иллюстраціи 1848 года № 34 и 35; жаль только, что планъ напечатанъ *на выворотъ*. Н.

стояніи 500 верстъ, два города — Селенгинскъ и Верхнеудинскъ, — но, признаюсь, я ихъ не замѣтилъ. Видѣлъ въ сторонѣ Нерчинскіе Горные Заводы и въособенности обратилъ вниманіе на ближайшій — Петровскій заводъ, . . .

. . . . . .

Въ этихъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ мѣстахъ я непремѣнно долженъ побывать и пожить, что и внесъ въ свой планъ... *) Въ Нерчинскихъ рудникахъ трудъ служитъ наказаніемъ, тогда какъ по естественному ходу дѣлъ трудъ есть наслажденіе; но погодимъ и увидимъ, что и какъ тамъ дѣется . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Останавливаюсь и смотрю на Иркутскъ. Городъ этотъ интересуетъ меня, какъ первый представитель въ глубокой Азіи Европейскаго быта, конечно въ весьма слабой степени, но все-таки дающій уже понятіе о Европѣ. Правда, онъ построенъ вмѣсто камня изъ дерева, а нѣсколько храмовъ и домовъ каменныхъ представляютъ блестящія заплаты на общемъ сѣромъ фонѣ. Расширенъ безъ надобности болѣе, чѣмъ сжатъ, улицы прямыя, но не мощеныя, тротуары деревянные, лоскутьями и потому вовсе не достигаютъ своей цѣли, что, впрочемъ,

*) Изъ слѣдующихъ писемъ видно, что авторъ жилъ въ Петровскомъ заводѣ. *Ниж.*

какъ начинаю замѣчать, составляетъ, кажется, отличительную русскую черту: тутъ все какъ-то отрывками — пути сообщенія, благоустройство, — . . . . . и мн. др., о чемъ, конечно, надобно будетъ говорить по тщательномъ изученіи предметовъ. Здѣсь также сталкивается Азія съ Европою и въ нравственномъ смыслѣ; кромѣ того населеніе состоитъ изъ невольныхъ и добровольныхъ поселенцевъ, причемъ тѣ и другіе живутъ и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ постоянной мысли о возвращеніи въ Россію, что придаетъ городу исключительный своеобразный характеръ и ставитъ его въ нѣчто, похожее на лагерь, или таборъ... Вообще считаю необходимымъ современемъ, для изученія этого города, поселиться въ немъ, что и принялъ въ должное соображеніе. *)

При взглядѣ отсюда на сѣверъ, морозъ пробралъ меня: тамъ живутъ люди, гдѣ должны бы жить только бѣлые медвѣди! Вонъ какіе *города*: Киренскъ, Якутскъ, Вилюйскъ, Гижига и особенно Зашиверскъ, — городина съ 17 (семнадцатью) жителями и состоящій изъ храма и трехъ юртъ! Лондонъ и Зашиверскъ — это Александръ В. и какой нибудь островитянинъ, величающій себя Императоромъ, какъ напримѣръ Ѳеодоръ Абиссинскій!

*) Изъ дальнѣйшихъ писемъ видно, что авторъ нѣсколько разъ жилъ въ Иркутскѣ. *Ниж.*

Нѣтъ ужъ, мое почтеніе, въ эту суровую сторону не заберусь, хотя, говорятъ, это и выгодно. Нѣмцы, говорятъ, уже начали туда забираться; пусть они пользуются этими выгодами . . . . . .

Вотъ на югъ отъ Иркутска занимаетъ меня мѣстность, великолѣпно раскинутая между дивными Саянскими и Байкальскими горами; что за ландшафты, что за роскошь растительности, что за обиліе водъ! И странное дѣло, уголокъ этотъ почти пустъ; кое гдѣ дымится лачуга туземца. Должна же быть этому какая нибудь причина? Надобно когда нибудь заглянуть въ этотъ замѣчательный уголокъ и нельзя-ли будетъ впустить въ него нѣкоторую дозу жизненаго элемента, а то жаль, пропадаетъ даромъ. Посмотримъ, авось, что нибудь и можно будетъ сдѣлать. Мѣстность кромѣ того крайне романическая, можно, въ видѣ опыта, затѣять какую нибудь любовную интрижку и завершить ее указаніемъ, какъ должно любить. Попробуемъ...

Здѣсь, на западъ, предстала моему взору во всей своей дивной красотѣ и величіи рѣка Ангара. Въ 60 верстахъ отъ Иркутска она вытекаетъ изъ озера Байкала и вытекаетъ такъ какъ бы *звѣрь вышелъ*, по буквальному смыслу монгольскаго названія — *Анъ-гара*. Что за стремнина теченія: самая суровая зима не можетъ оковать его и рѣка на нѣсколько верстъ никогда не покрывается льдомъ, такъ-что даже зимою

дикія утки тутъ плаваютъ, т. е. это просто природный анахронизмъ! Изъ этихъ замѣчательныхъ мѣстностей помѣщено въ Русской Иллюстраціи 1859 года *) нѣсколько картинокъ съ текстомъ, надобно тебѣ заглянуть въ нихъ, чѣмъ я и избавлюсь отъ труда описывать тебѣ эту замѣчательность, а умолчать о ней грѣшно бы было.

Однако же, согласись, что въ этой части земли можно только летать. Шутка! городъ отъ города отстоитъ на 500 верстъ по главному тракту, а въ сторону такъ на 3000 вер. какъ Якутскъ, прошу тутъ идти или ѣхать. А между тѣмъ смотрю: — ѣдутъ и даже идутъ, послѣдніе вереницами . . . . . Добровольно засѣляться сюда, полагаю, невозможно и потому невольное заселеніе (если только нужно заселеніе) вызвано необходимостію.

Странно, что на всемъ великолѣпномъ водномъ пути почти вовсе не видно судовъ, кое-гдѣ плыветъ какая нибудь *посудина*, лодченка — *душегубка* и только. Означаетъ ли это неумѣнье пользоваться природными удобствами, или дѣйствительное неудобство этихъ, кажущихся превосходными, путей?

---

*) №№ 77, 78, 79, 80, 81, 93, 94, 96 и 98.

14.

Верхнеудинскъ — Нижнеудинскъ!

Годъ, мысль, число.

Очень жалѣю, что опять проглазѣлъ городъ, значущійся на картѣ — Нижнеудинскъ. Меня интересуетъ онъ своимъ названіемъ, тѣмъ болѣе, что есть, какъ я уже упоминалъ, и Верхнеудинскъ . . . . . .
Толкуютъ, что названіе двухъ этихъ мѣстностей, сообщившихъ его и находящимся нынѣ тутъ жалкимъ городишкамъ, есть монгольское и означаетъ полдень, время отдыха, — и что единственный военный герой Монголовъ — Чингисъ-Ханъ, во время одного изъ своихъ походовъ, отдыхалъ сегодня на верхней мѣстности а на завтра — на нижней, сдѣлавъ переходъ въ сутки почти 1000 верстъ. Принимая въ соображеніе, что на этомъ пути лежитъ большое озеро Байкалъ, имѣющее въ самомъ узкомъ мѣстѣ ширины 55 верстъ, при длинѣ въ 600 вер., приходишь къ заключенію, что герой этотъ, должно быть, также леталъ, какъ и твой *покорнѣйшій слуга*.

Въ сторонѣ отсюда направо шумятъ Ангарскіе пороги, и хотя есть объ нихъ русская книга, но она, какъ почти всѣ русскія книги, не даетъ надлежащаго понятія о своемъ предметѣ и потому необходимо въ будущемъ стран-

ствованіи заняться изученіемъ этого рѣдкаго препятствія, поставленнаго природою для плаванія по Ангарѣ и какъ человѣкъ преодолѣваетъ это препятствіе.

Въ другой сторонѣ, налѣво, въ Саянскихъ горахъ, шумитъ водопадъ, названный по звуку, имъ издаваемому, *хорокъ*. Его издалека слышатъ съ обѣихъ сторонъ хребта, а видѣть никто не могъ до сихъ поръ, по невозможности проѣзда къ нему, — но подожди, я его увижу, какъ сказалъ французскій генералъ Пелисье: «Севастополя взять нельзя, — но я его возьму!» Однако-же все-таки не взялъ... Впрочемъ водопадъ этотъ вопіетъ въ пустынѣ о равнодушіи русскихъ къ своимъ рѣдкостямъ. О Ніагарѣ знаетъ, хотя по имени, каждый мальчикъ; о Хорокѣ-же «не снится и нашимъ старикамъ».

Также нужно ознакомиться съ замѣчательными въ этой мѣстности бирюсинскими пріисками, гдѣ, впрочемъ, добывается не *бирюза*, какъ можно-бы заключить по названію, а золото; и гдѣ одинъ смѣтливый золотопромышленникъ, названный вѣрно Таёжнымъ Наполеономъ, показалъ чудо своего завоевательнаго генія. Исторійка очень замѣчательная, я гдѣ-то ее читалъ... *)

---

*) Въ газетѣ «Золотое Руно» № 1 и 36, и разсказѣ «Неотысканное богатство» Биб. для чт. 1857, Апрѣль. *Ник.*

Пространство между Иркутскомъ и Красноярскомъ представляетъ очень много задатковъ для будущаго населенія, ...

Виднѣется вдали городъ — произведеніе золото-промышленности, Красноярскъ; между нимъ и Иркутскомъ 1000 пустынныхъ верстъ, прорѣзанныхъ линіею отличной дороги, созданіемъ, какъ я уже знаю, губернатора Степанова, отца знаменитаго нынѣ каррикатуриста... Не смотря на такой контрастъ, мнѣ кажется, что эти отецъ и сынъ шли къ одной цѣли — одинъ проводилъ пути физическіе, другой — нравственные! Но повитаемъ надъ Красноярскомъ!

15.

Сибирь — золотое дно.

(Безсмыслица).

Годъ, мѣсяцъ, число.

Я подлеталъ къ городу, возникшему изъ самой дорогой промышленности, развитой до послѣднихъ предѣловъ, — съ самыми блестящими ожиданіями. Тутъ живутъ дѣятели, извлекшіе изъ нѣдръ земли многія тысячи пудовъ золота. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ десятую часть этого богатства употребили они на разумное украшеніе города, служащаго мѣстомъ жительства этихъ рѣдкихъ счастливцевъ

русской земли. Конечно, прежде всего тутъ воздвигнутъ образцовый храмъ, гдѣ приносятся справедливыя молитвы благодарности и призывается благословеніе Промысла на столь важное дѣло, каково извлеченіе земныхъ богатствъ... Потомъ, конечно, увижу достойные данныхъ природою средствъ храмы наукъ и искусствъ, удовлетворительныя вполнѣ училища для развитія полезныхъ дѣятелей, музеи всѣхъ рѣдкостей, извлеченныхъ изъ земли, при сдѣланномъ разрытіи ея на огромномъ пространствѣ; вѣдь не такъ же они рыли землю, какъ роютъ ее тѣ, которые ищутъ только питательныхъ кореньевъ? вѣдь не могъ же такой повальный обыскъ всей Сибири остаться безслѣднымъ? И притомъ повтореніе его едвали уже возможно! Я также ожидалъ найдти музей рѣдкостей, собранныхъ со всей поверхности земнаго шара, такъ какъ для этого даны богатою промышленностію огромныя средства и конечно употребленіе ихъ значительной части на этотъ расходъ принесло надлежащую пользу краю, знакомя его со всѣмъ, что есть замѣчательнаго въ мірѣ промышленности, наукъ и искусствъ, и наконецъ показало тактъ и вкусъ этихъ богачей, конечно, вполнѣ развитыхъ, такъ-какъ къ развитію человѣка единственное средство — богатство, а уже его-то ли недоставало золотопромышленникамъ?.. Фантазія моя разыгралась вполнѣ. — ты зна-

ешь, какъ она разыгрывается на лету, — оста навливаюсь, кружусь, какъ коршунъ надъ добы-чею... Боже мой! что это такое? — собраніе самыхъ обыкновенныхъ лачугъ съ грязными, немощеными и неосвѣщенными улицами! Храмъ дѣйствительно, воздвигнутъ, но куполъ его про-валился и оставленъ печальнымъ памятни-комъ печальнаго состоянія зодческаго искусства и религіознаго стремленія. *) Храмовъ наукъ и искусствъ и тѣни нѣтъ; училищъ, соотвѣт-ствующихъ дѣйствительной потребности не вид-но, музеевъ тоже, — и все развитіе богатыхъ людей, все проявленіе неимовѣрнаго богатства, переходъ изъ нѣдръ земли десятковъ тысячъ пудовъ благороднаго и драгоцѣннаго металла — выразилось въ нѣсколькихъ десяткахъ, а пожа-луй и сотняхъ, кабаковъ!

А рѣка-то какая раскинулась широкою и длиннѣйшею полосою!.. Енисей наидлиннѣй-шая рѣка на всемъ земномъ шарѣ; она состав-илась изъ верхней и нижней Ангары, изъ всей длины озера Байкала, Верхней и Нижней Тун-гусокъ и, наконецъ, изъ собственно такъ назы-ваемаго Енисея, прорѣзываетъ такимъ образомъ всю обитаемую, или по крайней мѣрѣ способ-ную къ населенію лучшую часть Сибири.

*) Нынѣ храмъ этотъ возстановленъ. *Ижж.*

Красноярскъ, съ его средствами, могъ-бы развить здѣсь обширное пароходство, давъ тѣмъ легкое средство доставки потребностей и такимъ образомъ удешевивъ ихъ и для себя, а то вѣдь тутъ, говорятъ, бывала баснословная цѣна на самую необходимую потребность — хлѣбъ: четыре рубля за пудъ!

Улетаю отсюда съ грустнымъ чувствомъ, давъ однако же себѣ слово заняться въ жизни изученіемъ золотопромышленности основательно, во всѣхъ ея изгибахъ, — какъ явленія, произведшаго совершенно неожиданные результаты, и именно: вмѣсто обогащенія края — его раззореніе; вмѣсто развитія — какое-то отупленіе; вмѣсто стремленія къ труду, такъ щедро вознаграждаемому, — лѣнь, апатію и т. д. Для этого важнаго изученія надобно будетъ поступить на службу къ одному изъ главнѣйшихъ золотопромышленниковъ, — ну и поступлю... *)

16.

Съ Центра Сибири.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Городъ Томскъ, котораго достигъ я чрезъ 555 верстъ отъ Красноярска, не замѣтивъ зна-

*) Изъ послѣдующихъ писемъ видно, что авторъ ихъ дѣйствительно занимался дѣлами золотопромышленника . . . . .

Ред.

чущагося на картѣ Ачинска, — произвелъ на меня нѣсколько утѣшительное впечатлѣніе. Тутъ есть нѣкоторые зачатки цивилизаціи, — но этимъ Томскъ обязанъ не столько золотопромышленности, какъ центральному своему торговому положенію и относительной къ другимъ городамъ Сибири древности.

Въ сторонѣ видиѣются Алтайскіе заводы съ маленькимъ, вошедшимъ однакоже въ Европейское значеніе, городкомъ — Барнауломъ. Настоящій способъ обозрѣнія не даетъ мнѣ возможности вдаваться въ подробности, которыя отлагаю до дѣйствительнаго моего странствованія, увѣренный, что найду наконецъ въ этихъ заводахъ надлежащій образъ дѣйствія промышленности.

На Югѣ Сибири нѣсколько смягченная природа, которой, кажется, далеко не вполнѣ воспользовались люди. Мѣстность эта называется, поэтически конечно, Русскою Италіею. Собственное названіе ея *Минуса*. Не происходитъ-ли оно отъ математическаго знака — (минусъ)? Если это такъ, то этотъ минусъ непремѣнно производитъ гдѣ нибудь плюсъ, иначе нельзя объяснить медленности его развитія при такихъ благопріятныхъ условіяхъ...

Особенно отличается край этотъ множествомъ стадъ и табуновъ, такъ что, вижу, утомленныя жаромъ стада набрасываются на ручей и

выпиваютъ его досуха, прежде чѣмъ утолятъ жажду, такъ что должны поднять морды, чтобы дождаться какъ опъ снова наполнитъ свои берега. Или огромнѣйшее стадо овецъ идетъ по яркой зелени степей и оставляетъ за собою совершенно черную полосу земли, такъ-что заднія овцы, не находя себѣ пищи, кричатъ благимъ-матомъ, пока не успѣютъ забѣжать какъ нибудь съ боку на траву. Стало быть и между овцами есть сытыя и голодныя, богатыя и нищія, ...

Изъ центра Сибири бросаю на нее общій взглядъ. Это «дистанція огромнаго размѣра», покрытая бо́льшею частію горами, и еще бо́льшею — лѣсомъ; рѣки прорѣзываютъ ее исключительно съ Юга на Сѣверъ, чѣмъ онѣ лишены своего значенія въ отношеніи путей сообщенія, — но это только потому, что люди не хотѣли до сихъ поръ приложить рукъ искусства къ этому дѣлу, ибо видны весьма небольшія перешейки, которые стоило бы только прорыть и канализировать страну. Препятствіе, впрочемъ, къ водному сообщенію заключается въ продолжительности зимъ, — и мнѣ кажется, при существованіи нынѣ пароваго движенія, уже поздно думать о водяныхъ путяхъ, а надобно протянуть линію желѣзной дороги, эту живоносную жилу странъ. Вотъ тутъ-то и годилось бы золото, Богъ знаетъ на что̀ истрачен-

ное! Спрашивается, — былъ ли обиженъ родъ человѣческій природою, когда она съ материнскою предусмотрительностію хранила и тщательно таила въ нѣдрахъ своихъ груды золота, чтобы открыть ихъ въ ту пору, когда для Сибири нужны стали желѣзныя дороги, телеграфы, университеты и мн. др. Какъ употребило человѣчество этотъ важный запасъ — исторія нѣмѣетъ!

Населена Сибирь, преимущественно кочевниками и бродячими, очень рѣдко, по тому именно, что усилія населенія противны цѣлямъ природы, назначившей эту часть земли жилищемъ звѣрей, — и она должна быть заселена только *охотниками*...

Къ Западу населеніе усиливается, и это весьма естественно, потому что тутъ уже край Россіи, назначенной быть населенною. Городъ Тобольскъ, средоточіе этого населеннаго края Сибири, могъ-бы быть весьма замѣчательнымъ городомъ, еслибъ, во первыхъ, не обошелъ его частный коммерческій путь, ...

. . . . . .

17.

Древній Рифей.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Причиною густаго населенія этого конца пустынной Сибири есть сколько сосѣдство Россіи,

а не менѣе плодотворность почвы при благопріятномъ климатѣ. Обстоятельство это указываетъ ясно, что усилія населить страну, неспособную для населенія, постоянно будутъ тщетными... Но вотъ и граница между Россіею и Сибирью и почти тутъ же грандіозная природная граница между Европою и Азіею — цѣпь Уральскихъ горъ. На первой границѣ стоитъ простой столбъ, должно быть съ надписью. Здѣсь, конечно, приличнѣе было бы поставить памятникъ Ермаку, покорителю (а не завоевателю: замѣть это!) Сибири; а онъ стоитъ въ Тобольскѣ; неподумай, что я не замѣтилъ его, не упомянувъ въ своемъ мѣстѣ, подобно одному путешественнику... *) На второй границѣ невзрачный памятникъ; на западной сторонѣ его надпись: «Европа», на Восточной «Азія». Коротко и ясно!

Вотъ она «Русь Святая!» И точно, бросая взглядъ на эти довольно частыя купы жилищъ, непремѣнно имѣющія въ средѣ своей одинъ, два и болѣе храмовъ, которые въ эту минуту на всемъ пространствѣ гудятъ колокольнымъ

---

*) Здѣсь безъ сомнѣнія намекается на слѣдующій случай. Памятникъ Ермака стоитъ на горѣ, гдѣ устроена площадка для гулянья и танцевъ. Молодой господинъ былъ въ Тобольскѣ, гулялъ и танцовалъ на горѣ, и возвратясь въ К. былъ въ восторгѣ отъ «Сибирской столицы».

— А какъ тебѣ понравился памятникъ Ермаку? спросили его.

— Какой? я его не видалъ!

Это стоитъ Крыловскаго слона. *Ниж.*

звономъ *), видя народъ въ лучшихъ одеждахъ, осѣняющій себя знаменіемъ креста, обнимающійся и цѣлующійся братски, — невольно сознаешь, что эта страна святая, ...

. . . . . .

Но сдѣлаемъ на этотъ разъ только возможный съ моей точки зрѣнія обзоръ.

Уральскіе горные заводы, раскинутые почти по всему протяженію Уральскаго хребта, какъ главный и единственный въ своемъ родѣ способъ извлеченія изъ нѣдръ земли скрытыхъ въ ней богатствъ, — есть предметъ требующій тщательнаго изученія, и я рѣшилъ посвятить на это нѣсколько лѣтъ своей будущей жизненной дѣятельности, чтобы узнать досконально, какъ люди съумѣли воспользоваться этимъ даромъ природы и какъ употребили его, — стало быть, объ нихъ буду писать къ тебѣ въ свое время съ подобающею подробностію и разумѣется безпристрастіемъ **).

Останавливаюсь теперь только надъ главнымъ городомъ этого промышленнаго мірка, — надъ Екатеринбургомъ. Городъ, смотря на него съ верху, много обѣщающій: храмы, зданія,

---

*) Вѣроятно авторъ летѣлъ во время какого нибудь праздника, Пасхи напримѣръ. *и.*

**) Изъ дальнѣйшихъ писемъ видно, что авторъ прожилъ на Уралѣ 11 лѣтъ, и точно писалъ подробно и должно быть безпристрастно, ибо его оттуда вытурили... *и.*

заводы, фабрики, словомъ все, какъ и должно было ожидать. Стоитъ на большой рѣкѣ, что и должно быть непремѣннымъ условіемъ большихъ городовъ, такъ-какъ водный путь есть единственное средство дешеваго снабженія городовъ тяжелыми потребностями для нихъ *) . . .

. . . . . .

Неужели они наоборотъ поняли истину, ихъ-же баснописцемъ высказанную: гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобно умѣнье? Еще одно мнѣ непонятно: какъ ни пристально всматривался я въ физіономіи здѣшнихъ дѣятелей, все-что-то мало находилъ въ нихъ чисто русскаго выраженія; что-то въ нихъ чужое, не русское будто. Неужели спеціальное, нѣсколько головоломное дѣло можетъ такъ измѣнять русскія физіономіи? Или на это важное дѣло русскіе призвали иностранцевъ, или они сами навязали имъ свои услуги? Но погодимъ, Богъ дастъ, современемъ все разузнаемъ.

Нельзя сказать, чтобы и въ Россіи были часты города, особенно въ точномъ смыслѣ этого названія. Вотъ почти черезъ 500 верстъ отъ Екатеринбурга, на берегу *большой* рѣки Камы стоитъ первый въ Россіи, *маленькій* городъ Пермь (на картѣ, правда, есть раньше городъ Кунгуръ,

*) Ясно, что авторъ ошибочно принялъ заводскій прудъ, лежащій посреди Екатеринбурга, за большую рѣку. Городъ этотъ основанъ на ничтожной рѣчкѣ — Исети. *и.*

или *Кунгуру*, но я его не замѣтилъ, слышалъ только въ этомъ мѣстѣ какой-то запахъ). Пермь служитъ доказательствомъ, что для развитія городовъ еще недостаточно одной большой рѣки, нужно, должно полагать, еще что-то и другое... Впрочемъ, по замѣчательной случайности, если уже не по закону какому нибудь, и Пермь постигло тоже несчастіе, какое испыталъ и Тобольскъ, о чемъ я уже писалъ. Прежде управленіе уральскими горными заводами было въ Перми, и она дѣйствительно стоитъ въ центрѣ горнаго округа, находящагося большею частію въ Пермской губерніи; а что еще важнѣе, стоитъ на сплавной рѣкѣ и на 500 верстъ ближе къ столицѣ . . . . . .

18.

Е!

Казань.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Возрадуемся, любезный другъ! Наконецъ-то, кажется, увидѣлъ я городъ въ томъ значеніи слова, какъ мы его понимаемъ. Это знаменитая Казань. Что за обширность, что за строенія, что за улицы — великолѣпіе да и только! — Городъ этотъ былъ основанъ Татарами, у кото-

рыхъ лѣтъ 300 назадъ Русскіе его завоевали. Можешь судить, что они нашли тутъ,—татарщину какую нибудь; — и вотъ не болѣе какъ въ три вѣка возвели ее на степень лучшаго Европейскаго города. Начну съ того, что всѣ улицы покрыты блестящимъ макадамомъ буроватаго цвѣта; освѣщаются, должно полагать, электричествомъ, или переноснымъ газомъ, ибо противныхъ фонарей и столбовъ для нихъ почти не видно. Зданія большею частію возведены не для одного только житья, а съ болѣе высшими цѣлями; какъ-то: для развитія наукъ и искусствъ, управленій какъ военнаго, гражданскаго и духовнаго, частію даже есть въ самомъ центрѣ города богадѣльни, больницы, монастыри, тюрьмы, казармы и есть еще центральный домъ для умалишенныхъ... Только одно меня нѣсколько смущаетъ, почему вижу я большую пустоту въ этихъ полезныхъ зданіяхъ, особенно назначенныхъ для развитія наукъ и искусствъ? Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ удовольствіемъ вижу эту пустоту и въ домѣ для умалишенныхъ, каковой отъ души желалъ бы богадѣльнямъ, больницамъ, ... и тюрьмамъ... Такъ какъ Татары основали городъ въ отдаленіи отъ рѣки Волги, верстъ на 5-ть, то русскіе, вѣроятно немедленно, снабдили его превосходною гаванью, посреди которой возвышается памятникъ покоренія Русскими Казанскаго царства, какъ эмблема торже-

ства просвѣщенія надъ варваризмомъ; доставили жителямъ превосходную воду, которая видиѣется въ разныхъ частяхъ города, въ большихъ и малыхъ бассейнахъ, освѣжаемыхъ, какъ должно полагать, водопроводами, такъ искусно скрытыми, что ихъ нельзя и разсмотрѣть... Кромѣ того нѣкоторыя части города построены посреди самой воды, подобно Венеціи, по улицамъ плаваютъ въ лодкахъ и чрезъ нихъ перекинуты мостики... Но всего замѣчательнѣе введенный порядокъ утоленія жажды жителей самою чистою водою. Въ необыкновенномъ множествѣ устроены для этого по всему городу помѣщенія, гдѣ чистѣйшая вода содержится въ стекляныхъ сосудахъ и жители заходятъ туда выпивать этой освѣжающей влаги по стакану или болѣе, или взять на домъ... Одно это устройство придаетъ городу крайнее оживленіе; но и кромѣ того, должно полагать, есть много и другихъ подобныхъ двигателей, потому-что жизнь, какъ видно, кипитъ здѣсь... Словомъ, я очарованъ Казанью, и непремѣнно современемъ поселюсь въ ней и приму какое нибудь посильное участіе въ дѣятельности ея жителей... Но, Боже мой, отъ чего это при этомъ рѣшеніи какъ будто сжалось у меня сердце отъ какого-то непріятнаго предчувствія; неужели здѣсь постигнетъ меня какое нибудь земное несчастіе? Неужели эта привлекательная наружность служитъ

прикрытіемъ какого-нибудь нехорошаго внутренняго содержанія? Нѣтъ, не можетъ быть: такой прекрасный городъ могли только создать прекрасные люди!.. Но какъ бы то ни было, я непремѣнно буду жить въ Казани и писать къ тебѣ изъ нея письма и, надѣюсь, очень пріятныя. *)

Въ числѣ особъ, движущихся по улицамъ Казани, если не ошибаюсь, замѣтилъ я Агасфера, вѣчнаго жида: та же высокая, сухая фигура, тѣ же аршинные шаги, то же маятное хожденіе... Надобно будетъ узнать, что̀ тутъ дѣлаетъ этотъ мученикъ?

Очень жаль, что жители Казани, столь развитые къ возведенію разнаго благоустройства, не успѣли еще устроить постояннаго моста чрезъ Волгу; для этого, впрочемъ, уже положено

---

*) Здѣсь мы, скрѣпя сердце, должны сказать, что почтенный авторъ писемъ впалъ въ крайнее заблужденіе. Вѣроятно, онъ смотрѣлъ на Казань весною и наше разлившанное море грязи принялъ за блестящую мостовую изъ макадама, весенній разливъ Волги — за устроенную городскую гавань, городскія лужи — за резервуары; а что всего курьезнѣе, такъ это то, что онъ наши безчисленные кабаки принялъ за водохранилища!.. Весенній разливъ воды по улицамъ Казани точно дѣлаетъ ее на нѣкоторое время похожею на Венецію... Не знаемъ почему только нашелъ авторъ писемъ пустоту въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, не было-ли это вакантное время? Или, пожалуй, съ его точки зрѣнія не всѣ, наполняющіе учебныя заведенія личности, казались ему идущими къ своей цѣли, почему онъ и не принялъ ихъ въ счетъ... Что касается до дома умалишенныхъ, то онъ еще не открытъ для посѣтителей, а когда откроется, то вѣрно не замедлитъ наполниться... Авторъ жилъ въ Казани... *и.*

начало: проведена по низменности, лежащей между городомъ и рѣкою, высокая насыпь, и я увѣренъ, что къ тому времени, какъ я, оставя теперешній не совсѣмъ удобный способъ обозрѣнія, прибѣгну къ здѣшнему способу путешествія, то мостъ чрезъ Волгу будетъ уже готовъ... Вообще нельзя не замѣтить важнаго упущенія со стороны Русскихъ, что они до сихъ поръ по главному своему тракту, означенному на картѣ Сибирскимъ, — этой артеріи и венѣ громаднаго тѣла Россіи, — не устраиваютъ постоянныхъ мостовъ ни на Волгѣ, ни на Окѣ *) и ограничиваются крайне допотопнымъ способомъ переправы; а между тѣмъ, какъ я вижу, черезъ Неву построенъ постоянный мостъ, и для кого же? — для Чухонъ, снабжающихъ Петербургъ чухонскихъ масломъ...

19.

«Москва бьетъ съ носка»
Пословица.
Центръ Россіи.
Годъ, мѣсяцъ, число.

Начинаю опасаться, чтобы не замѣтили моего отсутствія и не озаботились бы этимъ, мои почтенные родители. Поэтому, любезный другъ,

*) Въ настоящее время рѣшено осуществить *проектъ*, напечатанный въ № 43 С. Петер. Вѣд. 1861 г., *о постоянномъ мостѣ черезъ Оку;* а черезъ Волгу — изыскивается возможность составленія такового же проекта. *и.*

я поспѣшу окончить мой бѣглый обзоръ, назвавъ тебѣ только главные города, на которые въ этотъ разъ мелькомъ взглянулъ. Нижній-Новгородъ, славный городъ (хотя, вовсе не *Нижній*, ибо стоитъ на горѣ *); едва ли еще не лучше Казани, хотя и меньше ея. Особенно замѣчательна при немъ Нижегородская ярмарка, тоже бывшая въ передѣлахъ, т. е. перетаскиваніи съ одного мѣста на другое и, кажется, на сей разъ засѣвшая въ болото... Здѣсь уже непремѣнно надобно пожить... стоитъ этого **)...

Но вотъ—у, у!—Москва! Этакая, Господи, громада! тутъ ужъ пасую, едвали хватитъ жизни, чтобы заняться изученіемъ этой махины... Впрочемъ попытаюсь! Вообрази же себѣ, что въ этой страшной грудѣ храмовъ, домищъ, зданій, а частію и хижинъ, мнѣ тотчасъ бросилась въ глаза огромная Царь-пушка: можешь судить какова? А также башня, или колокольня, оглушительнымъ трезвономъ, кажется, оглашающая всю Россію. Называется она *Михайло* Великій ***). Словомъ, это цѣлый русскій міръ, Россія въ Россіи... Ахъ, еслибы Богъ помогъ

---

*) Авторъ, конечно, не зналъ еще, что этотъ Новгородъ названъ Нижнимъ въ отличіе отъ древняго Новгорода. *И.*

**) Изъ дальнѣйшихъ писемъ видно, что авторъ писемъ жилъ нѣкоторое время въ Нижнемъ и оставилъ его не совсѣмъ благополучно, ... *И.*

***) Явная ошибка, должно читать: Иванъ Великій.

мнѣ сколько нибудь ознакомиться съ этимъ восьмымъ чудомъ и описать тебѣ его повозможности подробно! — Но, Боже великій, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ! Вотъ *красавецъ* *) Петербургъ. Что за чудо, что за прелесть! Ну, другъ ты мой любезный, еслибы мнѣ привелось лопнуть отъ усилій и труда, то и въ такомъ случаѣ, я непремѣнно бы побывалъ здѣсь, чтобы украсить мою переписку съ тобой лучшими мѣстами. Рѣшено, буду во что бы то ни стало. **) — Теперь тутъ почти еще зима, всѣ закутались въ шубы, завернулись шарфами, еще судя по множеству похоронъ, должна быть тутъ эпидемія, вѣроятно холера, вновь изобрѣтенное средство для уменьшенія населенія, — но и тутъ съ удивленіемъ вижу нѣкоторыхъ господъ съ открытыми грудьми, украшенными знаками отличій... Они то должно полагать и охраняютъ... Войска-то, войска-то сколько!.. А живыхъ цвѣтовъ еще больше . . . . . Подожди, дружище, я опишу тебѣ въ подробности какъ слѣдуетъ, какъ войду

---

*) Замѣчательно: этотъ эпитетъ Петербурга въ большомъ употребленіи у Петербургскихъ дамъ, у которыхъ, конечно, авторъ не могъ его слышать; стало быть *красавецъ* онъ и не для однихъ земныхъ красавицъ! *и.*

**) Авторъ сдержалъ слово: онъ жилъ въ Петербургѣ нѣсколько разъ, похожденія его тамъ не лишены интереса. *и.*

въ этотъ очарованный міръ и буду разсматривать людей вблизи, а не такъ какъ теперь съ дали, съ птичьяго полета.

Съ этого нѣсколько опаснаго и вовсе неудобнаго для наблюденій, по отдаленности, пункта мнѣ кажутся такія вещи, какихъ, конечно, нѣтъ въ натурѣ, и это безсомнѣнія какой нибудь миражъ, оптическій обманъ; напримѣръ: вдругъ вижу люди начинаютъ качаться какъ маятники у часовъ, съ тою разницею, что качаніе происходитъ въ обратномъ положеніи, т. е. качается верхняя часть, нерѣдко достигая до земли... можетъ быть, впрочемъ, это гимнастическое упражненіе... или, на путяхъ встрѣчаясь съ другими людьми, они тотчасъ схватываютъ свои головные покровы, какъ будто первые готовы отнять ихъ. *) Одни изъ этихъ встрѣчныхъ выпучиваютъ впередъ свои животы и закидываютъ назадъ головы; другіе, напротивъ какъ-то втягиваютъ въ себя животы, понуряя впередъ головы, причемъ эти-то и прячутъ свои головные покровы. Женщины умнѣе мужчинъ—онѣ привязываютъ эти покровы.

---

*) Здѣсь авторъ почти отгадалъ происхожденіе обычая снимать шапки: онъ точно возникъ во время владычества Татаръ, когда Русскіе носили богатыя шапки, соблазнявшія степныхъ варваровъ. Впрочемъ, такъ-какъ обычай этотъ общій всѣмъ народамъ, небрѣющимъ головъ, то происхожденіе его надобно искать въ необходимости освѣжать голову, снимая теплую шапку. *И.*

Неужели это дѣйствительно такъ, или мнѣ только кажется, что простой способъ употребленія пищи возведенъ на землѣ въ какой-то торжественный процессъ: устанавливаютъ возвышенныя площадки, покрываютъ ихъ чѣмъ-то бѣлымъ и на это разставляютъ разныя явства, при употребленіи которыхъ говорятся какіе-то восторженныя рѣчи, подымаются руки съ какимъ-то желтоватымъ питьемъ и, выпивая его, люди кричатъ благимъ матомъ: должно полагать горькое питье! Потомъ подымается дымъ коромысломъ, о которомъ впрочемъ я уже писалъ къ тебѣ... наконецъ приносится какая-то *машина*, извергающая паръ; изъ паровика этого отливаютъ по частямъ воду, окрашиваютъ ее какою-то травою и пьютъ довольно церемонно:— иначе и нельзя, должна быть горячая вода! Полагаю, что это средство для возбужденія воображенія, ибо люди, при употребленіи этой микстуры, ведутъ довольно оживленный разговоръ. Другой причины употребленія горячей воды не придумаю!.. Но всего болѣе озадачиваетъ меня явленіе почти общее къ вечеру, впрочемъ бывающее и по утрамъ. Это также разставляютъ площадки, уже предварительно покрытыя чѣмъ-то зеленымъ; люди, преимущественно мужчины, садятся вокругъ этихъ площадокъ, берутъ въ руки какіе-то листки бумаги, раздаютъ ихъ другъ-другу, разсматриваютъ, спо-

ва складываютъ кучками, потомъ собираютъ, мѣшаютъ и опять раздаютъ, опять собираютъ и опять, и опять, большею частію молча; иногда, впрочемъ, вспыхиваетъ споръ, даже доходящій до драки,—и такимъ образомъ проводятся вечера, даже ночи, даже нѣсколько ночей сряду... Это что-то очень курьезное!

Всѣ эти особенности, которыхъ вижу я тысячи, начинаютъ крайне интересовать меня и я не могу уже отказать себѣ въ поспѣшности, съ которой оставляю высь и спускаюсь до — людей...

Я или предчувствую, или предвижу, что ожидаетъ меня между людьми. Вотъ главныя черты этого ожиданія. Я буду учиться во всю жизнь; это совѣтуетъ русская пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись, а все-таки, прибавляютъ скептики, умрешь дуракомъ...

Въ то же время, или вѣрнѣе для той же цѣли, буду служить по всѣмъ вѣдомствамъ, особенно вновь учреждаемымъ, какъ казеннымъ, такъ и частнымъ; само собою разумѣется, что заведу какой нибудь романъ, разыграю комедію, а можетъ и трагедію и т. д., между прочимъ, разумѣется, ... что и составитъ, такъ сказать, мою спеціальность, которая придастъ покрайней мѣрѣ занимательность моимъ къ тебѣ письмамъ.

20.

При спускѣ.

Годъ, мѣсяцъ, число.

Надѣюсь, любезный другъ, что первая серія моихъ писемъ дастъ тебѣ ясное понятіе о томъ, что ты можешь ожидать отъ меня въ слѣдующихъ выпускахъ. Имѣй при этомъ въ виду, что эти письма писалъ я при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и обстановкахъ:— можешь судить, каково писать на лету, — и что впередъ буду писать совершенно въ иной роли, въ роли настоящаго земнаго писателя своей біографіи, то есть начну съ того дня какъ меня отправятъ учиться, какъ потомъ опредѣлюсь въ службу, или займусь другою профессіею, какъ, разумѣется, надѣлаю неизбѣжныхъ для человѣка глупостей, влюблюсь, женюсь, заслужу расположеніе, буду получать чины и ордена, разбогатѣю, сдѣлаюсь извѣстнымъ и т. д., или наоборотъ, что гораздо вѣроятнѣе, обманусь, буду обманутъ, ненавидимъ, презираемъ, понесу разныя лишенія, раззорюсь, буду больше боленъ, чѣмъ здоровъ, похудѣю или потолстѣю, и проч. и проч. Словомъ, будетъ,— что будетъ, ничего отъ тебя не утаю, и не прибавлю, такъ-какъ вижу ясно, что вымыселъ гораздо ниже дѣйствительности, и притомъ выдумывать легко, а испытывать на самомъ дѣлѣ куда какъ трудно...

Итакъ до ближайшаго свиданія, письменнаго разумѣется, по весьма важному изобрѣтенному людьми способу для господъ отсутствующихъ, между собою, способу доведенному, впрочемъ, до крайняго злоупотребленія, какъ увидишь изъ посылаемой тебѣ при семъ *эпопеи*...

PS. Ежели до моего возвращенія возникнетъ вопросъ о томъ, чѣмъ, въ случаѣ крайней надобности, замѣнить для земли новый потопъ, такъ-какъ сказано, что потопа больше не будетъ, то заяви, пожалуста, что потопъ необходимъ, но только не водяной, а потопъ идей простаго, но здраваго смысла, основаннаго на строгомъ и сознательномъ исполненіи долга; только этакой потопъ въ состояніи поглотить всяческое встрѣчаемое здѣсь искаженіе здраваго смысла!.. *)

---

*) Заканчивая переводъ перваго выпуска писемъ Путелетателя, мы, какъ вѣроятно и читатель, пришли къ вопросу: откуда явился авторъ ихъ? Пересматривая дальнѣйшія письма, мы пришли къ убѣжденію, что онъ пожаловалъ къ намъ не изъ такого далека, какъ это кажется по первымъ его словамъ; дѣло просто въ томъ, что авторъ, почувствовавъ совершенное отчужденіе свое отъ земныхъ интересовъ, попытался войти въ роль обитателя другаго міра и смотрѣть на землю его глазами: насколько успѣлъ онъ въ этомъ, предоставляемъ судить читателю. — Что же касается до нашего инкогнито, то мы снимемъ его при послѣднемъ выпускѣ...

Нижеподписавшійся.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

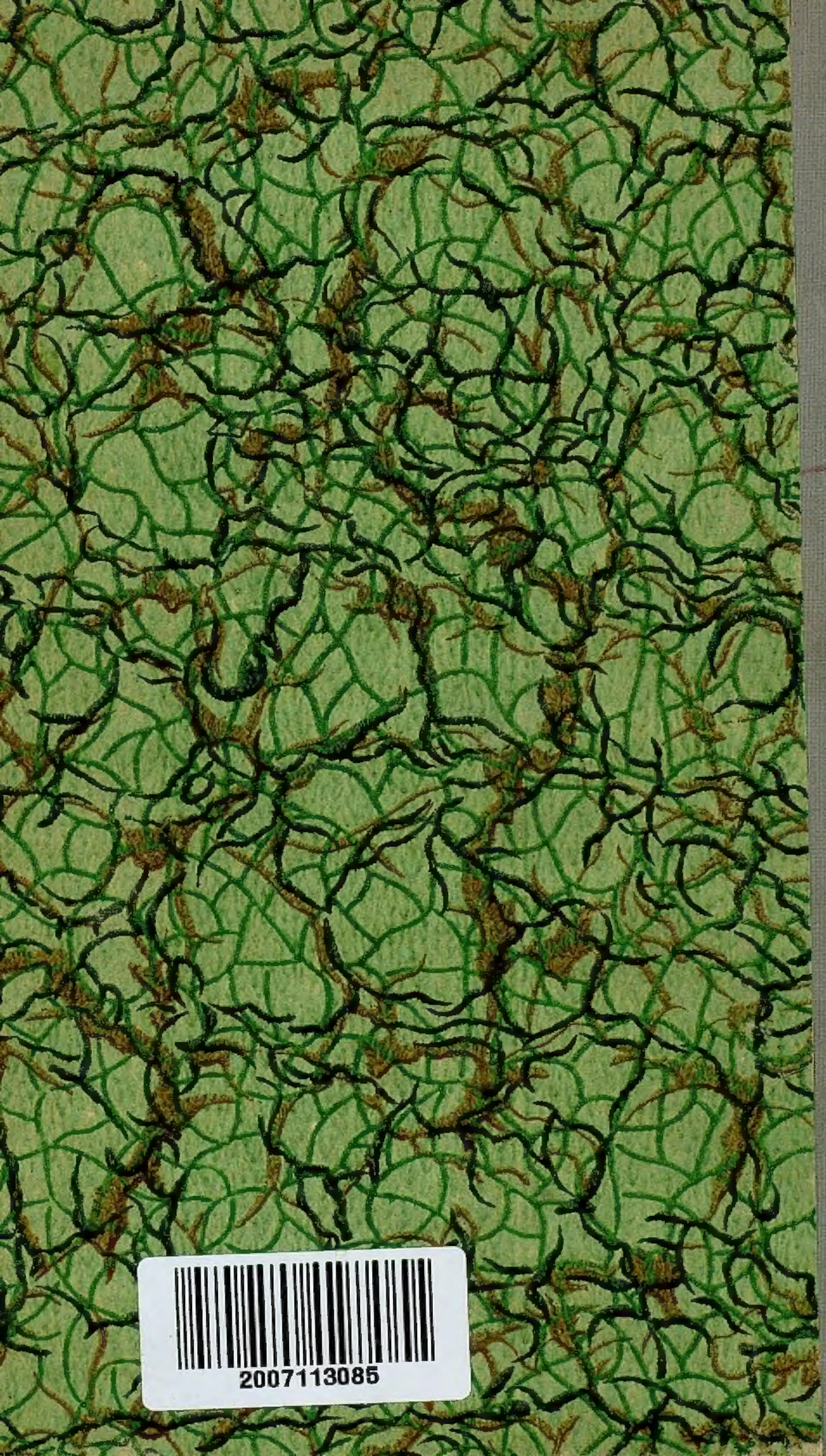
ОБЪ ИЗДАНІИ 1-го ВЫПУСКА «ПИСЕМЪ ПУТЕЛЕТАТЕЛЯ».

Цѣль изданія 1-го выпуска «писемъ путелетателя» въ небольшомъ числѣ экземпляровъ состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить столичныхъ издателей съ полнымъ этимъ сочиненіемъ, которое въ своей цѣлости составляетъ жизнеописаніе автора и его наблюденія въ теченіи 60 лѣтъ жизни, съ прохожденіемъ, по пословицѣ: «огня, воды и мѣдныхъ трубъ». — Все сочиненіе, какъ и 1-й выпускъ, написано, для большей свободы изложенія взгляда, въ фантастической формѣ. — Первый выпускъ служитъ какъ-бы прологомъ къ цѣлому сочиненію, достаточно знакомя съ его направленіемъ и содержаніемъ. — При условіяхъ столичнаго изданія, первый выпускъ, какъ и все сочиненіе, могутъ быть расширены. Всѣхъ выпусковъ 12. Издатели, ознакомившись по этому образцу съ полнымъ сочиненіемъ, если пожелаютъ пріобрѣсти его для изданія, благоволятъ обращаться

ВЪ КАЗАНЬ, КЪ СЕМЕНУ ИВАНОВИЧУ ЧЕРЕПАНОВУ.

Цѣна 1-му выпуску съ пересылкою и безъ оной 60 коп. Съ брошюрами прежняго изданія: «о наградахъ и наказаніяхъ» 1862 г. и «Посланіе къ женщинамъ» 1864 года . . . . . 1 руб.

Эти три статьи составляютъ 1-ю часть собранія сочиненій, переводовъ и изданій С. И. Черепанова, подъ заглавіемъ: *черепки.*


2007113085